

КРИС РАЙЛАНДЕР

*Тебе выбирать свою судьбу —
быть неудачником или героем...*

ЛЕГЕНДА О ГРЕТЕ

ПРОКЛЯТИЕ НЕУДАЧНОГО ЧЕТВЕРГА

#эксмодество

Крис Райландер

Проклятие неудачного четверга

Серия «Легенда о Грее», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62718053
Крис Райландер Проклятие неудачного четверга:
ISBN 978-5-04-112978-1

Аннотация

Грег Бельмонт ничем не отличается от других детей. Разве что у него мало друзей, имеется чудаковатый отец, да ещё есть семейное проклятие неудачных четвергов. Точнее, так было до одного ужасного дня... Кто бы мог подумать, что он на самом деле Грегдруль Пузельбум – предок древнего рода великих воинов... гномов? Грег бы ни за что не поверил в это, если бы его отца только что у него на глазах не атаковал тролль! И теперь нужно срочно разбираться, что к чему: оказывается, в подземельях под Чикаго живут гномы и они испокон веков враждуют с эльфами (просто «Властелин колец» какой-то!), в мире возрождается волшебство и грядёт новая магическая эра, Грег умеет выращивать рукколу из кафельного пола, и с ним говорит древний боевой топор... Но всё это не так важно. Самое главное для Грега – спасти отца. Ну и ещё заодно хорошо было бы предотвратить войну и не потерять лучшего друга.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	71
Глава 8	80
Глава 9	85
Глава 10	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Крис Райландер

Проклятие

неудачного четверга

Chris Rylander

THE LEGEND OF GREG

Copyright © Temple Hill Publishing, 2018

This edition published by arrangement with Writers House
LLC
and Synopsis Literary Agency.

Серия «Легенда о Грее»

© Проходский А.Н., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается всем, кто хоть раз в жизни испытал, каково
это – быть маленьким.

НЕ СПЕШИТЕ!

Прежде чем открыть эту книгу, вспомните, какой сегодня день.

И если вдруг это четверг, немедленно закрывайте. Завтра почитаете.

Начитаешься такого в четверг, и потом творится непойми что.

Уж вы мне поверьте.

Глава 1

В которой встречаются бородатые дамы, кровожадные монстры и случаи острой камнеленереносимости

Ничего удивительного в том, что монстр, решивший разнообразить мною своё меню, встретился мне именно в четверг, потому что с незапамятных времён от этих четвергов нашему семейству житья не было. Так уверял папа, а ему рассказал это его папа, а тому – папа папиного папы... ну, в общем, вы поняли.

Вот парочка примеров.

- Легендарная борода моей двоюродной бабули Милли сгорела как раз в четверг. Когда-то ей завидовали все Бельмонты (и мужчины, и женщины), а теперь от прежнего величия остались лишь жалкие воспоминания.
- В далёком 1929 году, в четверг, Второй среднезападный банк забрал нашу фамильную ферму, обрекая всю семью на прозябание в городе. С тех пор вся родня называет его

склизким брыдло-банком. Взрослые отказались объяснять, что это значит, но это наверняка жуткое ругательство, потому что именно так выразилась бабушка Милли, заметив горящую бороду.

- Однажды в четверг кузен Фин припарковал свою новенькую машину в центре, а потом напрочь забыл где. Мы так и не узнали, куда она подевалась. Целый час он бродил по всему кварталу, и домой пришлось возвращаться на автобусе. Если вы решили, что потерять немаленький седан в городе просто невозможно, то я скажу, что вы просто не встречали типичного Бельмонта в четверг.

Долго можно рассказывать, но суть в том, что я не должен был так уж удивляться, что меня чуть не порвали на мелкие лоскуты именно в этот злополучный день. Конечно, я с самого утра знал, что раз сегодня четверг, то обязательно что-нибудь да прилетит. Впрочем, раньше до крайностей не доходило. Мне казалось, ну жвачка застрянет в волосах. В худшем случае Перри опять попробует макнуть меня головой в унитаз в четвёртой кабинке туалета в мужской раздевалке. Это был знаменитый унитаз. Настолько знаменитый, что ему даже придумали имя – Накладной кубок. По каким-то загадочным причинам кубок не смывали аж с 1954 года, и традиция так укоренилась, что даже главный инспектор по здравоохранению (наш выпускник) махнул на него рукой. Страшно вспомнить, что мне довелось увидеть в этой кабинке. Про

запах вообще промолчу.

Но с четвергами я давно смирился. Это просто семейная особенность Бельмонтов. Кто-то рождается богатым, кто-то бедным, у кого-то светлые волосы или по семь пальцев на ногах, а кому-то в наследство достаётся семейное проклятие.

Все Бельмонты уже привыкли и даже придумали поговорку: «После четверга остальные дни как праздник». Ну и пусть нескладно, зато правда. Во все остальные дни мы, можно сказать, отдыхаем.

Тот самый четверг начался вполне безобидно: мы отправлялись на школьную экскурсию в зоопарк Линкольн-парка.

Наш Предуниверситетский колледж имени Айзексона (спорим, вы не сможете не засмеяться, если скажете вслух: «Я хожу в ПУКи Айзексона») – самая престижная и элитная частная школа в стране. Денег у них навалом – могли бы свой собственный зоопарк купить, если бы захотели. Но нет. Вместо этого они нас «культурно просвещают». Раз в месяц таскают куда-нибудь вроде Аквариума Шедда, или в местный яблоневый сад, или в какую-нибудь школу попроще в западной части города, чтобы школьники своими глазами убедились, как им неслыханно повезло в жизни.

В этот четверг колонна из роскошных автобусов отправилась вниз по Лейк-шор-драйв. Справа от нас искрилась бесконечная, как океан, голубая гладь озера Мичиган, сливаясь вдали с горизонтом.

Первым делом, после того как мы вышли из автобуса, мне надо было отыскать Эдвина. В этом была вся прелесть четверговых экскурсий: мы целый день зависали с моим лучшим другом.

Эдвин был всеобщим любимцем и, кроме того, самым богатым учеником. Совпадение? Не думаю.

Не то чтобы все остальные ученики в ПУКе были такими уж бедными (я не в счёт). Из четырёхсот сорока учеников школы, только сорок пять платили по сниженной ставке. Остальные вышли из семей, для которых было раз плюнуть выложить 43 000 долларов за то, что можно получить бесплатно.

Но семья Эдвина была на порядок выше (а может, на два порядка или даже целых сорок). Упакованная семейка. Если я проводил лето, помогая отцу в его магазине естественных даров природы, то Эдвин только и делал, что летал туда-сюда на одном из нескольких частных самолётов. Я не шучу, даже самолётов у них было несколько. Не знаю, чем уж там занимались его родители. Они работали в центре города, занимаясь чем-то расплывчатым и финансовым – что-то вроде «генеральные директора инвестиционной фирмы по управлению денежными средствами», «исполнительные директора по сырьевым товарам», или «рыночные аналитики», или «управляющие портфельным брокером», или «финансовые президенты».

И пусть мы как будто жили на разных планетах, но с нашей

первой встречи три года назад мы стали лучшими друзьями.

В тот четверг я нашёл его в окружении симпатичных восьмиклассниц. Они разом скорчили недовольные мины, как только я появился. Могу предположить, что их отпугивал запах свиной рульки и исландского болота (папа сам варил мыло и заставлял меня им пользоваться). Но я не обратил внимания на недовольные взгляды девчонок, когда они отпрянули в сторону, как и всегда при моём появлении.

– Привет, Грег, – сказал Эдвин, широко улыбаясь. – Ну что там интересного привёз твой папа из экспедиции? Может, сок реликтового норвежского дерева? Или новый сорт торфяного мха? Или наконец-то откопал крайне редкий арконианский сморчок?

Мой отец занимался кустарным ремеслом (как он сам говорил) и часто путешествовал по всему свету в поисках новых добавок для чая, мыла и прочих органических товаров. Всю эту неделю он пропадал в Норвегии.

– Не знаю, он только завтра вернётся, – сказал я. – А что, не терпится попробовать его новый чай?

Эдвин посмотрел на меня, как будто я попросил его поковыряться у меня в носу.

– Мне в прошлый раз хватило, – рассмеялся он. – После чашечки его чая у меня на лице живого места не осталось.

– Но он же не мог знать, что у тебя аллергия на сланец, – напомнил я ему.

– Да я и сам не знал. А всё потому, что сланец – это ка-

мень, – сказал Эдвин усмехаясь. – Знаешь, я как-то не привык закусывать камнями. Главным образом потому, что люди камней не едят.

– Эй, да ты же сам просил его дать попробовать. Никто тебя не заставлял. Это я у него подопытный кролик.

– Знаю, но что поделать, твой отец располагает к себе, – ответил Эдвин. – С ним всегда весело. Забавный чувак.

– Рад, что хоть одному из нас это кажется забавным, – буркнул я.

На самом деле мне тоже нравились папины причуды, но я изо всех сил скрывал это.

– Короче, – сказал Эдвин, язвительно улыбаясь. – Сейчас мы отправимся в наиувлекательнейшую прогулку по зоопарку.

Я закатил глаза.

Вот что значит быть таким богатеньким, как Эдвин: когда ты можешь позволить себе абсолютно всё что угодно, самые обычные вещи кажутся тебе скучными. Прошлой зимой он вместе с родителями катался на вертолёте над Восточносибирским заповедником в России – какой уж тут зоопарк.

Наверное, поэтому ему и нравился мой отец. Чокнутый, эксцентричный и весёлый (но это не точно) папа – такого ни за какие деньги не купишь.

– Чего ты сразу, – сказал я. – Может быть, мы придём в восторг от вида измождённых животных, запертых в клетки?

Эдвин рассмеялся. Ему всегда нравился мой жутко мрач-

ный оптимизм. По-моему, это у меня наследственное.

– Ну ты и гвинт, – сказал он.

Гвинтом Эдвин называл меня, когда считал, что я слишком занудствую. Понятия не имею, что значит слово «гвинт», но каждый раз оно было в тему. У него вообще талант придумывать всякие прозвища. Вспомнить хотя бы Острый соус. Так звали одного из наших учителей в ПУКах, который сопровождал нас на экскурсиях. По настоящему его звали мистер Вустершир, и всем было известно, что вустерский соус совсем не острый, но, во-первых, Эдвин про это не знал, когда придумал кличку, а во-вторых, Острый соус звучит круче, чем «прочие пищевые добавки». И прозвище так и осталось.

– Да ладно тебе! – ответил я. – Кстати, твой ход, или ты тянешь время и надеешься, что я забуду о своём гениальном плане?

Эдвин фыркнул и достал телефон. Когда мы познакомились, то выяснилось, что у нас есть нечто общее. Мало кто из детей играл в шахматы. Если честно, то мне попадался только один такой – Дэнни Ипсенто. Мы раньше жили на одной улице. Правда, потом выяснилось, что кроме игры в шахматы он любит поджигать что попало и швыряется ботинками в голубей, и дружбы не вышло – человеку с моим везением опасно иметь друзей с такими подозрительными наклонностями.

В общем, шахматисты – явление редкое. Именно поэтому

я глазам своим не поверил, когда увидел, что Эдвин запускает на телефоне приложение «Шахматы с друзьями». Я сам начал играть только потому, что папа бредил этой игрой и с трёх лет приучил меня играть в неё. Он постоянно повторял, и какая она древняя, и что это единственная игра, где успех не зависит от удачливости игрока, и что всё в твоих руках. Любой ход, любая победа или поражение зависят только от тебя. Где ещё такое встретишь (особенно если ты Бельмонт). Я полюбил игру с детства, но выигрывал редко. Итог любой партии зависел только от моих действий. Что крайне удобно для того, кто родился в семье отчаянных неудачников.

Но до отца я и близко не дотягивал. Да и до Эдвина, если честно, тоже. Я выигрывал у него через десятый раз на пятнадцатый и подозревал, что он нарочно поддается, чтобы я не бросил играть.

Он тоже с детства играл в шахматы. Его отец мало того что был крайне состоятельным человеком, так ещё и оказался бывшим чемпионом мира по шахматам. А Эдвин всегда боготворил своего отца настолько, что даже пытался копировать его жесты. Не сомневаюсь, что когда-нибудь он будет ходить и разговаривать в точности, как он.

Впрочем, Эдвин любил шахматы ещё и потому, что любил угадывать сокровенные мысли людей. Может быть, поэтому у него и было столько поклонников.

Когда группа двинулась вслед за Острым соусом по бетонной тропинке, Эдвин как раз сделал ход.

– Чувак, даже представить не могу, что ты задумал, – сказал я.

Собственного телефона у меня не было (долгая история), поэтому придётся ждать, пока я доберусь до компьютерного класса, чтобы сделать ответный ход.

– Только сильно не заморачивайся, – поддразнил меня Эдвин. – А то не успеешь насладиться невероятной и увлекательной экскурсией, организованной ПУКами.

Я хмыкнул.

Экскурсия началась с посещения выставки «Большие мишки» – можно подумать медведи бывают другими. Мы вошли на площадку, с трёх сторон окружённую облепиховыми деревьями (ну да, я чуток разбираюсь в растениях) и низкими заборчиками. Прозрачное стекло отделяло питомцев от посетителей медвежьей выставки. Мы видели каменистый утёс, усеянный булыжниками. Нам хорошо было видно нескольких огромных медведей, разлёгшихся прямо на склоне.

Все затаили дыхание, когда гигантские медведи повернули головы, чтобы посмотреть на нас. Волосы у меня на руках встали дыбом, когда самый крупный медведь уставился прямо на меня. Он заревел так грозно, что его рык было слышно сквозь толщу защитного стекла.

Если честно, то я не любитель животных. Да и большинство домашних питомцев шарахались от меня как от огня. И это даже обидно, если учесть, что собаки уже несколько

тысяч лет – первые друзья человека. Но теперь я просто замер от ужаса. Ревущий огромный медведь в Линкольн-парке – это вам не кошечки и щенятки.

Трудно объяснить, но я сразу понял, что что-то пошло не так. Было совершенно ясно, что медведь невзлюбил меня с первого взгляда. Все притихли и наблюдали, как огромный зверь поднялся на задние лапы и сделал несколько шагов в нашу сторону. В полный рост он казался втрое выше меня, а передними лапами мог с лёгкостью содрать с меня скальп.

Медведь оскалился. Затем наклонился и поднял один из булыжников. Весь класс ахнул. Некоторые засмеялись, когда медведь заковылял к нам поближе с огромным камнем, зажатым в лапах.

– Мне кажется или тот медведь правда только что поднял камень? – спросил Эдвин.

Молоденькая сотрудница Лекси (имя написано на бейджике) подошла к нашей группе.

– Не стоит беспокоиться, – сказала она, радостно улыбаясь. – Уилбор и другие взрослые медведи любят покидаться камнями. Они очень игривые существа. Почти как собаки и кошки.

Уилбор ещё раз дико зарычал. Лекси по-прежнему улыбалась, но нервно оглянулась на него. Белый верзила подошёл ещё ближе и камень не бросил. Теперь он стоял у самого стекла по другую сторону.

БАМС!

Толпа ахнула и дружно попятилась, когда стекло задрожало. Но оно не разбилось и даже не треснуло.

Лекси больше не улыбалась, но изо всех сил старалась убедить нас, что всё в порядке.

– Здесь особо прочное пятислойное противоударное стекло, – сказала она дрожащим голосом. – Беспокоиться не о чем.

Уилбор снова взревел и снова грохнул камнем.

БАМС!

Прозрачная поверхность покрылась паутинкой тончайших трещин. Невнятное бормотание толпы стало перерастать в панику.

Медведи не могут разбить ударопрочное стекло. Это факт. Так же как и тот, что гоблинов не существует и тот, что мыло моего папы отвратительно пахнет, – никто не спорит. Но сейчас на моих глазах вот этот отдельно взятый медведь, которого взбесил один мой вид, снова размахнулся и стукнул камнем по стеклу!

БУМС!

Брызги стекла засыпали медведя. Он с лёгкостью расправился ещё с парочкой слоёв. Толпа отпрянула и некоторые бросились бежать. Лекси больше не изображала спокойствие и что-то нервно кричала в переговорное устройство.

Белый медведь Уилбор в последний раз замахнулся и стукнул по стеклу.

БЗДЫНЬ!

Сотни осколков – всё, что осталось от стекла, – градом осыпались на пол. Посетители и сотрудники зоопарка с криками бросились врассыпную, но Уилбор промчался мимо, как будто их тут и не было. У него была только одна цель, и сбить его с пути было нельзя.

Уилбор, медведь ростом в двенадцать футов, охотился именно на меня.

Глава 2

В которой выясняется, что Уилбор не оценил запах папиного мыла

Белая слюна стекала из оскаленной пасти Уилбора и капала длинными струйками на тротуар, когда он рванулся вперёд. Я как зачарованный смотрел на него и, наверное, так бы и стоял, пока из меня делали отбивную, но в следующую секунду очнулся и понял, что надо удирать. Я быстро вскочил на ноги, подозревая, что по-хорошему медведь от меня не отстанет. Его внушительные когти, клацнувшие в нескольких сантиметрах от моего лица, только усилили мои подозрения.

Уилбор снова взревел. Люди закричали. И я побежал.

Я пронёсся мимо толпы и услышал собственный голос. Тяжело переводя дыхание, я ещё умудрялся кричать:

– Медведь, медведь, медведь!

Можно подумать, что, кроме меня, никто не заметил внушительного белого зверя, гнавшего за мной по пятам.

– Медведь, медведь!

Мы пробежали мимо таблички, сообщавшей, что Уилбор

– самый старый и крупный медведь, живущий в неволе (про неволю это уже в прошлом).

Я, как в крепость, юркнул за массивный деревянный сарайчик. Уилбор снёс его одной левой, и меня с ног до головы засыпало щепками. Я снова бросился наутёк. Но убежал недалеко. Ногой я задел брошенную тележку с едой, запнулся и кубарем прокатился до скамейки, сплющив по дороге обронённый кем-то хот-дог.

Уилбор перешёл на шаг и не торопился – теперь я в ловушке и никуда от него не денусь (тем более что завтрак сам себя приправил горчицей).

Я сел и замер от ужаса, наблюдая, как медведь приближается, чтобы меня прикончить. На фоне белой шерсти его пустые чёрные глаза пылали яростью.

Минимум три дротика со снотворным покачивались у него в спине, но этот мохнатый верзила их даже не заметил. По обе стороны от него появились двое сотрудников зоопарка в коричневых костюмах. Они стали тихонько подбираться к медведю: один перезаряжал ружье с транквилизатором, другой держал шест с петлёй на конце. Уилбор легко оттолкнул лапой одного из них. Парень отлетел к ближайшему дереву (американский вяз). Другой замер в нерешительности. Уилбор повернулся и заревел на него. Парень убежал, бросив на меня сочувственный и извиняющийся взгляд.

Я взглянул в морду медведю и прочитал собственный приговор. Но в этот момент между мной и ним появилась фигу-

ра, заслонившая меня от разъярённого зверя.

Эдвин.

Он уверенно встал перед медведем, который решил, что у него теперь два блюда на завтрак.

– Ты что, спятил? – спросил я, в ужасе представив, что последнее, что увижу в жизни, будет медведь, который закусывает моим другом. Эдвин не обратил на меня внимания и посмотрел на медведя. Уилбор выпрямился и грозно зарычал. Эдвин не ответил и продолжал в упор смотреть на зверя.

Через несколько мгновений глаза Уилбора остекленели, став совершенно бессмысленными. Он слегка покачнулся на задних лапах, а затем с тихим стуком рухнул на тротуар. Сотрудники зоопарка бросились к нему, чтобы оградить потерявшее сознание животное.

Когда Эдвин резко обернулся ко мне и прижал к груди дрожавшую руку, то колени его затряслись. Видимо страх, которого не было ещё секунду назад, всё-таки одолел его.

– Чувак, как ты... это сделал? – заикаясь, спросил я. Голос не подчинялся мне.

– Я... сам не знаю, – ответил он, тряхнув головой, стараясь сбросить оцепенение. – Я... я просто...

Но договорить он не успел, потому что его уже окружили одноклассники. Они похлопывали его по спине, называли героем. Ещё чуть-чуть и они, как баскетбольные фанаты, облили бы его газировкой и стали бы подбрасывать в воздух. Эдвин отнекивался, утверждал, что ему просто повезло и это

всё транквилизатор, но никто не обращал внимания, и все продолжали восторгаться им.

Я медленно поднялся на ноги. Длинная тень легла на меня, и я решил, что это родственники Уилбора решили по-квитаться за него.

Но взглянув вверх, я увидел хмурое лицо Острого соуса. Ни для кого не секрет, что он меня терпеть не мог.

– Что вы натворили на этот раз, мистер Бельмонт? – сурово спросил он.

– Ничего, – отчаянно оправдывался я. – Вы же не думаете, что я мог стать причиной...

– Уверен, что запах так называемого мыла, который продаёт на развес твой отец, так подействовал на животное, – сказал он, глядя на меня, как на пакет с тухлятиной.

– Эй, я знаю, что мыло моего отца слегка... попахивает, но...

Я осёкся, потому что слова застряли у меня в горле. До сих пор я не задумывался, что же произошло. Я так увлёкся спасением своей жизни, что даже не подумал остановиться и спросить себя: а почему, собственно? Почему медведь выбрал именно меня? Чем я так ему не понравился, что он решил разбить ударопрочное стекло и лично мне сказать об этом. Неужели папино мыло действительно так омерзительно пахнет?

По дороге в школу весь автобус возбуждённо шушукался. Я ни с кем не разговаривал, потому что в этой неразберихе после нападения медведя Эдвин оказался в другом автобусе. Но я слышал, как другие лихорадочно шептали.

– Чуваки, Эдвин – настоящий герой...

– ...Прикинь, загипнотизировал медведя!

– Грег – такой отстой... Видел, как сильно медведь хотел его сожрать?

– Он, наверное, решил, что это двойной человеческий чизбургер...

– Я уже загружаю видео с нападением медведя в интернет. Это будет бомба...

– На выходных я обязательно пойду гулять с Эдвином...

Когда мы вернулись в ПУКи, я протолкался сквозь толпу к своему шкафчику. Мне надо было в магазин отца к четырём часам вечера, потому что начиналась моя смена. Работать в Магазине естественных даров и природной органики (который я называл МЕДИПО) было жутко скучно. Сейчас мне больше хотелось найти укромное местечко, лучше бы без медведей и хорошенько всё обдумать.

Одноклассники смотрели на меня как на привидение, когда я проходил мимо. Наверное, так и должно было случиться: школьник погибает нелепой смертью на экскурсии и отныне обречён наводить ужас на привилегированных учеников ПУКов.

Через пару минут я уже торопился к восточному выходу,

чтобы поскорее выбраться из школы – не очень приятно, когда на тебя смотрят, как на зомби. Я завернул за угол и тут же натолкнулся на гору мышц.

– Проход закрыт, Жирмонт, – сказала перекачанное тело. – Сначала заплати пошлину.

Жирмонтом меня называли в школе (я был толстым парнем по фамилии Бельмонт). Ещё называли Шарик-Лошарик (потому что я напоминал шар на ножках) и Соусный бочонок (потому что все уверены, что толстые люди жить не могут без соуса, а я и правда его любил).

Широченные плечи, возвышавшиеся надо мной, принадлежали Перри Шарпу, восьмикласснику, которого издали можно было принять за небольшого носорога. На самом деле его звали Перидринкл, но вслух так его назвать мог только самоубийца. Из всех хулиганов школы, он был самым беспощадным. Остальные просто обзывались, ну или таскали за уши, но Перри постоянно совершенствовался в своих издевательствах. Он мог окунуть меня головой в Накладной кубок или нашить мой портфель остро отточенными карандашами остриём вверх, пока я не вижу.

– Ты меня слышал, Жирмонт? – спросил Перри. – Без пошлины прохода нет.

Он ткнул меня увесистым пальцем в плечо, и я чуть не упал, но чудом удержался на ногах. Я хотел ему сказать, что пошлина взимается с импортных или экспортных товаров при международной торговле, и в данном случае это требо-

вание не подходит. Что слово, которое он собирался использовать это скорее сбор, что больше похоже на плату за право на въезд. Но ничего этого я не сказал, а просто ответил:

– Ну ладно, я просто не пойду туда...

Перри загоготал:

– Жирмонт, ты, по-моему, не въехал, – сказал он. – Это обязательный взнос, так что заплатишь в любом случае. Ты себе представить не можешь, какие это бабки. Вот посмотришь, что всей выручки вшивого магазина, которым владеет твой чокнутый папаша, не хватит, чтобы заплатить. А значит, тебе придётся платить штраф за неуплату. А это значит, что я изо всех сил стукну тебя по плечу. И только дрогни мне. Тогда я ударю ещё раз. А потом ещё раз. И буду бить так перманентно.

Я поперхнулся, чуть не проглотив свой язык.

– Ты знаешь, что это значит – «перманентно»? – спросил он.

Он задал вопрос с таким видом, как будто это он учился здесь по академической стипендии, а не я. Уточню, на всякий случай:

Пер-ма-нен-тный – повторяющийся постоянно или неопределённо долгий период.

Для Бельмонта нападение медведя в четверг без особых последствий – уже неслыханное везение. Но по закону подлости дважды так повезти не может. Я уже столько лет Бельмонт (тринадцать, если что) и хорошо это усвоил.

Я покорно вздохнул.

Наверное, умереть в пасти медведя было бы быстрее и не так болезненно.

Глава 3

В которой самый мрачный четверг продолжается

Пройдёт время, и я назову этот четверг самым мрачным. Чёрным четвергом уже обозвали другую неприятность: весь биржевой рынок обвалился, вызвав Великую депрессию, – и тут наверняка не обошлось без Бельмонтов.

Покорившись судьбе, я подставил плечо Перри. Быть Бельмонтом – значит принимать все неприятности как должное, какими бы тяжёлыми они не казались. Жизнь несправедлива – это я уже понял. И не мне менять эти вселенские аксиомы. Оставалось только смириться и при этом постараться сохранить хоть чуточку достоинства и самообладания.

Я закрыл глаза и приготовился к боли, но тут же услышал знакомый голос.

– А, вот ты где, Грег!

Я открыл глаза. Между мной и сильно недовольным Перри стоял Эдвин.

– Ты так быстро убежал, – сказал мне лучший друг. – За-

был, что мы договаривались кое о чём. Ну, вспомни. Или ты сейчас занят?

Я покачал головой.

Перри поморщился. На Эдвина ему было наплевать (видимо, единственному в ПУКе), но он предпочитал держаться в стороне от моего друга. Казалось, что он даже побаивается его, хотя хулиган был в два раза крупнее.

– Проехали, – сказал Перри, разворачиваясь. – Ещё встретимся, Грег.

– Спасибо, – сказал я Эдвину, переводя дыхание. – Две неприятности в день – это перебор. Мало того что на меня напало отвратительное мохнатое чудовище с гнилым дыханием и мозгом не больше грецкого ореха, так с утра ещё и медведь пристал.

– Ты такой смешной! – съязвил Эдвин. – Давай я проежусь с тобой до магазина. Сегодня четверг, так что будет надёжнее, если я буду рядом. Наверняка.

Я улыбнулся и кивнул.

– Чтобы меня гризли не сгрызли, – скаламбурил я.

– Неплохо! – рассмеялся Эдвин. – Хотя и притянута за уши.

Он смеялся не потому, что я смешно пошутил (совсем не смешно), но над тем, что каламбур получился глупый (очень глупый). Мы всегда вместе смеялись над неудачными островами. Если вы спросите, что нам так нравилось, то я не отвечу, потому что и сам не знаю. В прошлом году на уроках

математики мы передавали друг другу записочки с каламбурами, пока наши лица не становились пунцовыми от еле сдерживаемого смеха. Мы даже сговорились, что когда-нибудь внесём в федеральный свод законов США новый закон, требующий, что любой человек, собирающийся плохо пошутить, сначала должен встать на стул и официально объявить, что каламбур плох, подняв указательный палец высоко в воздух.

Самое смешное, что родители Эдвина с их деньгами и властью вполне могли добиться подобного, если бы захотели.

Вдвоём мы вышли из школы и прошли пару кварталов до станции «Кларк/Дивижн». Мы втиснулись в переполненный вагон и нашли пару свободных мест в конце. Я почти всегда ездил в школу и обратно домой и в магазин отца на метро. Они находились далеко друг от друга, но зато на одной ветке, что значительно упрощало задачу. В редкие дни, когда у Эдвина не было дополнительных занятий, он катался со мной.

Вообще-то у него был личный водитель, но по непонятной мне причине он старался как можно реже пользоваться своим положением.

– Приходи ко мне, когда закончишь работать, – сказал Эдвин, когда поезд тронулся. – Я уже рассказал обо всём родителям, и они устраивают вечеринку в честь героического меня. Говорят, даже президент заскочит, чтобы вручить мне медаль Славы... правда, не всем слухам можно верить...

Я рассмеялся.

Эдвин всегда подшучивал над тем, что его считают совершенным, – это был его собственный способ скрывать неловкость. Ему было не по себе от потока восторгов, которым его осыпали учителя и ученики. Однажды он признался, что я единственный, кто понимает его. Остальные либо умерли бы от зависти, а потом от ненависти, либо решили, что он воображала. А я, как он сказал, понимал, что казаться – это ещё не значит быть.

– Взять хоть друзей моих родителей, – сказал он, поясняя свою мысль. – Они все жертвуют на благотворительность: на все эти фонды и прочее. Но они бы не стали этого делать, если бы это не афишировалось. Ну и налоговые льготы, конечно, тоже играют роль... Но, ты подумай, никому из них не придёт в голову зайти в бесплатную столовую и помочь просто так. Общество одобряет их поступки, и хотя они, несомненно, вносят свой вклад, но это же не искренне.

Чем больше я узнавал Эдвина и его родителей, тем лучше понимал, что он имел в виду.

– Думаю, что я пропущу сегодняшнюю вечеринку, – сказал я.

– Да ладно тебе! – Эдвин закатил глаза. – Ты же знаешь, как меня достали эти выскочки из ПУКа. Родители уже заказали диджея и целую тонну лучшей в Чикаго пиццы. Я же знаю, что от пиццы ты не откажешься. Обещаю: медведей в программе не будет.

Я снова рассмеялся. Бесплатная пицца это заманчиво.¹

– Я подумаю, – сказал я. – Если, конечно, я быстро управлюсь в магазине. Аппетит у меня сегодня зверский.

Теперь Эдвин рассмеялся:

– Неплохо.

– А если серьёзно, что сегодня произошло в зоопарке? – спросил я.

Эдвин перестал улыбаться. Он посмотрел на меня долгим взглядом, а потом уставился в окно. Мимо проносились крыши серых зданий Чикаго. Редкий случай, когда природный блеск его глаз угас.

– Ну, кроме того, что вы с медведем решили поиграть в догонялки, я ничего и не понял, – наконец ответил он. – Я надеялся, что это ты мне объяснишь, как умудрился довести белого медведя до белого каления!

Я недоверчиво потряс головой.

– Ты что, тоже думаешь, что из-за меня...

– Расслабься, – сказал Эдвин, снова улыбаясь. – Шучу. Я слышал, как Острый соус наехал на тебя после. Прямо бесит.

– Ага, – согласился я. – Хотя потом он всё же спросил, как я себя чувствую.

– Да просто прикрывал собственную задницу, – предположил Эдвин. – Чтобы защитить дутый авторитет ПУКов.

¹ Маленькое отступление про любовь к пище. Однажды мы с отцом начисто разорили любимую пиццерию, когда они в первый (и в последний) раз устроили акцию «Ешь сколько влезет». Что-то, а поесть Бельмонты любят. Четверо членов нашей семьи – победители конкурсов обжорства.

– Но как тебе удалось одним взглядом заставить медведя остановиться и отступить?

Эдвин пожал плечами.

– Не знаю, наверное, транквилизаторы вовремя действовали, – ответил он. – Я знал, что надо что-то сделать. Не мог же я просто стоять и смотреть, как белый медведь вместо рыбы проглотит моего лучшего друга. Я же видел, что ты напуган, но уверен, что стоять и наблюдать, как съедят тебя, было бы гораздо больнее, чем быть съеденным самому.

– Ты сегодня спас мне жизнь, – сказал я. – Дважды.

– Может, и так, – ответил Эдвин.

– Я серьёзно, – перебил я его, – ты сам мог погибнуть! Почти наверняка. И мы оба превратились бы в большую кучку медвежьего навоза.

– Фу... Грег, – сказал Эдвин.

Престарелая дама, сидевшая рядом с нами, гневно посмотрела на меня и отодвинулась подальше от нас. Обычное дело. Чем дольше мы общаемся, тем сквернее становятся наши шутки. Мы всегда смеёмся над тем, в чём другие не видят абсолютно ничего смешного.

– Короче, – сказал я шёпотом, – спасибо!

– Брось. Зачем ещё нужны друзья? – отмахнулся Эдвин. – Как раз для того, чтобы не дать превратить товарищей в медвежьи какашки.

Последнюю фразу он сказал намеренно громче, отчего женщина снова пришла в негодование.

Я старался не хихикать.

– Повезло нам, что медведь вовремя сдригнул, – сказал я.

– Ага, хорошо, что пронесло нас, а не его, – согласился Эдвин.

Теперь мы хохотали в голос, а пожилая дама была вне себя от невоспитанности современной молодёжи.

– Да уж, очень мишуточная ситуация, – добавил я.

Мы постарались выдать из себя хоть смешинку, но ничего не вышло. Этим наши баттлы и заканчивались. Чей-нибудь каламбур оказывался таким несмешным, что даже притворяться не получалось.

– То есть ты вообще не понимаешь, с чего это медведь так на тебя взелся? – спросил Эдвин через пару секунд. – Может, ты опять бекон по карманам заныкал?²

Я покачал головой, но всё же улыбнулся.

– Нет, но, может быть, – я говорю «может быть», – Острый соус был прав? – предположил я. – Может, медведю, как и всем остальным, просто не понравился запах папиного мыла? Он в последнее время только и делает, что испытывает на мне свои новинки. Папа в последнее время вообще странный какой-то.

– В последнее время, говоришь? – подколот меня Эдвин.

– Ну ладно, более странный, чем обычно, – уточнил я.

² Ну да, однажды я пришёл в школу с карманами, полными бекона. Потому что хотел пошутить (типа толстяки всегда пахнут беконом! Ха-ха!), ну и потому что я часто хочу есть в школе, а беконом перекусывать лучше всего. Ну ладно, признаю. Есть тысячи причин, по которым эту идею можно назвать неудачной.

– Я думаю, что мыло, чай, ну или ещё что-нибудь вполне могли стать причиной для нападения, – протянул Эдвин задумчиво.

– Вот-вот, но это же тупо? – продолжил я. – Но, опять же, как медведь мог вот так запросто взять камень и раздолбать стекло...

Тут мне вспомнилось, что некоторые утверждают, что животные способны видеть истинную сущность человеческой души. Вроде теории о том, что собаки распознают социопатов или чуют зло в, казалось бы, приятных людях. Если это так, то, может, я должен стать каким-нибудь больным на голову маньяком, коллекционирующим отрубленные большие пальцы, чтобы потом построить из них масштабную копию Хьюстона и назвать её Палецстон.

– Эй, – вдруг озорно воскликнул Эдвин. – Спорим, что, даже удирая от медведя, ты нашёл время, чтобы опознать все деревья, мимо которых пробежал? Признавайся. Ведь я прав?..

Я отчаянно замахал головой, стараясь доказать, что никто не думает о таких глупостях, когда спасает свою шкуру. Но он подтолкнул меня локтем, намекая, что, в отличие от остальных сверстников, понимает и одобряет меня.

– Ну да, – сдался я, стараясь быть серьёзным. – Могу даже сказать, что стенд, который Уилбор разнёс в щепки, был сделан из атлантического белого кедра.

Эдвин закатился смехом и покачал головой.

– Тебя не переделаешь, – сказал он.

Я пожал плечами. Поезд как раз подъехал к моей станции.

– Спасибо, – сказал я. – В смысле за всё сегодняшнее.

Эдвин тоже пожал плечами и усмехнулся.

– Не забудь прийти сегодня вечером, – напомнил он. –

Вечеринка будет часов до девяти – десяти. Медведей, даже плюшевых, не будет.

Я хихикнул и кивнул ему напоследок, когда двери закрылись.

Пару минут спустя я почти подходил к МЕДИПО, но всё ещё не мог забыть безжалостные, налитые ненавистью глаза медведя в тот момент, когда он собирался разорвать меня. Я пытался отвлечься и называл деревья, которые встречались мне на пути (хотя я проделывал это уже сотни раз):

Клён ясенелистный

Адиантум

Сассафрас

Ясень пенсильванский

Клён ясенелистный со злобной птичкой, слетающей с ветки

Злобная птичка, летящая мне прямо в лицо

Я увильнул и бросился бежать. Птичка едва не пробила мне щёку крошечным клювом. Я решил, что это ещё одна четверговая неприятность, но птица яростно заверещала и, сделав круг, снова спикировала на меня. Прохожие поспешно отступали в сторону, когда я проносился мимо, бешено

размахивая руками над головой.

Да что вообще происходит?!

Когда до магазина осталось совсем чуть-чуть, птичка отстала. Но когда я входил в магазин, то всерьёз задумался, а не вхожу ли я в проклятую пещеру, где отменные раздражители для медведей и птиц притворяются обычным мылом и чаем. Или, может быть, происходит что-то совсем уж непонятное, невообразимое и безумное?

– Что случилось? – спросил мистер Ольсен из-за стойки.

– Меня только что пыталась заклевать птица! – сказал я, еле переводя дыхание и направляясь в заднюю комнату. – Ну и денёк!

– Так четверг же, – заметил мистер Ольсен.

Кроме меня и папы в магазине работает мистер Ольсен, и работает он достаточно давно, чтобы знать о семейном проклятии. Мне кажется, что вряд ли он всерьёз верит в него, но каждый раз подкалывает по этому поводу.

Я сердито посмотрел на него и ушёл в маленькую комнату за стойкой.

Магазин натуральных даров и природной органики был крошечным закутком в Линкольн-парке, где живут большинство из наших состоятельных и зажиточных клиентов. Он был не больше школьного кабинета и до краёв забит полками с ручным мылом, тониками и прочими здоровыми товарами. Корзины с пророщенными зёрнами и прочими земляными товарами выстроились вдоль стен. Нельзя сказать, что

покупатели ломились к нам толпой, но пара-тройка посетителей всегда была. Так что втроём мы вполне справлялись. Даже когда отец уезжал.

Я бросил рюкзак в офисе и надел фартук, прежде чем сменить мистера Ольсена за кассовым аппаратом.

– Мне казалось, что нападения медведя в зоопарке вполне достаточно для четверга, – сказал я, повязывая фартук.

– Ты о чём? – спросил он.

Мистеру Ольсену было под пятьдесят или за пятьдесят, и он всегда носил нелепый старомодный костюм. У него была ухоженная борода с проседью, и он был другом нашей семьи с тех пор, как я родился. Кажется, мистер Ольсен даже произносил последнее слово на маминых похоронах, но я был слишком мал и не помню этого. Пока я рассказывал ему о происшествии в зоопарке, глаза его становились всё шире и шире, но ни естественного ужаса или удивления заметно не было. Мне казалось, что он даже ожидал услышать что-то в этом роде. Как будто такое происходит каждый день. Нет, ну правда, что особенного в том, что медведю вздумалось напасть на ребёнка в зоопарке.

– Ничего особенного, Грег, – сказал он наконец. – Слабаки вы нынче. Случись такое в моём детстве, я бы одолел этого медведя, снял с него шкуру и постелил вместо ковра.

Я кивнул, слабо улыбаясь. Мистер Ольсен – неплохой дядька, когда с ним познакомишься поближе, но вообще-то он был жутким занудой. Вечно ныл про то, как прогнил со-

временный мир. Вот почему они с моим отцом подружились. Они так поклонялись всякому старью, что можно было решить, что их личных богов так и зовут – Рукодел и Ретроград: два таких божка, живущих где-нибудь на облачке и постоянно препирающихся.

Трудно поверить, но у моего отца не было даже сотового. И у меня тоже. Как только я заговаривал об этом, он всегда придумывал отговорки: от них развивается рак мозга, вредно для глаз, дети нынче оторваны от земли и окружающей жизни. Они слишком дорогие. Телефон дядюшки Мелвина взорвался ночью, когда заряжался, и спалил весь дом. (В четверг, конечно же). Ты до тринадцати лет дожил без него и ничего. У меня и электронная почта-то была только потому, что в ПУКах был компьютерный класс, а в публичных библиотеках Чикаго бесплатный доступ в интернет.

Я пытался объяснить отцу, что наш магазин может заработать гораздо больше, если у нас появится хотя бы подобие сайта. Но он упёрся и ни в какую. Я к чему: дозвониться до отца, когда он уезжал, было практически невозможно. Он просто растворялся в неизвестности. И поэтому, скорее всего, он узнает, что чуть не лишился единственного сына только завтра утром, когда вернётся из Норвегии. Ничего не поделаешь – придётся ждать. Интересно, он так же странно отреагирует на эту новость, как и мистер Ольсен.

Когда вечером я закрыл магазин, то не пошёл на вечеринку к Эдвину, мы оба знали, что так и будет. Нет, я, конечно,

не против поиграть в видеоигры, посмотреть фильм или поплавать в бассейне на крыше и всё в таком духе, но шахматы, каламбуры, разговоры об астрономии или космическом мусоре куда интереснее. А если поблизости тусуются друзья Эдвина, то нечего и думать об этом – им это всё кажется жутко скучным. Ну, конечно, лучше трепаться о том, какую роскошную машину им подарят на шестнадцатилетие, или хвастаться количеством подписчиков в Инстаграме.

Те, кому кажется странным, что такой человек, как Эдвин, считает именно меня своим лучшим другом, просто его совсем не знают. Стоит только вспомнить, как мы с ним познакомились.

Я пришёл в ПУКи три года назад. До пятого класса я учился в Чикагской общеобразовательной школе, но папа настоял, чтобы я сдал Тест на умение преодолевать основные системные трудности (ТУПОСТЬ), специально разработанный для учеников частных школ. После того как я набрал достаточно баллов и выиграл полную стипендию в ПУКе, я был в восторге от того, что буду учиться в крутой частной школе, где меня никто не знает. Можно было начать всё сначала, потому что в прошлой школе у меня не задалось с друзьями. Мне казалось, что частная школа битком набита вежливыми учениками в курточках, с шахматными досками под мышкой. Правда, оказалось, что в ПУКах шахматы любят не больше, чем в обычной школе. И вообще, выяснилось, что мои ожидания (кроме курточек) не оправдались: учени-

ки частной школы были такими же (а может, и гораздо хуже) грубиянами, что и ученики простых школ, только на свой лад.

Когда я впервые увидел Эдвина, он истекал кровью.

Он шёл по коридору с головы до ног пропитанный кровью, как будто его макнули в ведро на скотобойне. И вид у него был ошарашенный. Какая-то девчонка при виде его завопила и грохнулась в обморок. «Зомби!» – решил я.

Но тут до меня дошло, что это не его кровь. Вообще не кровь. Потом я узнал, что школьный театр широко известен узкому кругу любителей за постановку вычурных, дорогих и неоднозначных пьес. Даже «Чикаго ридер» и «Таймаут Чикаго» иногда писали отзывы на их постановки. В конце концов, не многие школы тратили по десять тысяч баксов на музыкальные постановки классических фильмов типа «Взвода» или «Звёздных войн». За год Эдвин появлялся как минимум в одной школьной пьесе. В тот момент они как раз работали над постановкой старого ужастика «Зловещие мертвецы». Главным приколом было забрызгать первые ряды зрителей бутафорской кровью, как делали на Бродвее в Нью-Йорке. Зрителям даже сказали надеть всё белое для максимального эффекта. Короче, где-то в середине репетиции один из разбрызгивателей вышел из строя и залил Эдвина с ног до головы, а он играл главного персонажа по имени Эш.

После того как в коридоре стихли дикие вопли, Эдвин

спокойным голосом сказал:

– М-да, такие здоровые прыщи я больше выдавливать не буду.

Ученики, которые оставались в холле (а не убежали с дикими криками, когда он появился перед ними в образе жертвы кровавого маньяка), чуть не лопнули от смеха.

– Кто махнётся со мной футболками? – спросил Эдвин. – Не могу же я вернуться на репетицию в таком виде.

До сих пор не знаю, что меня толкнуло на следующий шаг, но я снял футболку и протянул ему. И, надо сказать, это был смелый поступок. Мало того что у меня кругленькое брюшко, так ещё и самая волосатая среди шестиклассников спина. Для того, кто пытается произвести хорошее впечатление в первый день в школе, глупее поступка не придумаешь. Остальные захихикали, а Эдвин не отказался и взял футболку.

– А ты норм, – сказал он с явным облегчением. – Но, боюсь, мою футболку, ты вряд ли наденешь.

– Не проблема, – ответил я, расстёгивая рюкзак. – У меня есть запасная.

Эдвин удивлённо приподнял бровь.

– У меня за столом всё из рук валится³, – пояснил я.

Когда Эдвин увидел, что я всерьёз достал запасную фут-

³ Что правда, то правда. Поэтому я и ношу с собой запасную футболку. Когда побываете на грандиозных застольях семьи Бельмонт, поймёте, почему это стало привычкой.

болку из рюкзака, то чуть не подавился от смеха. Он никак не мог остановиться, и я даже испугался за его самочувствие. Отсмеявшись, он практически силой заставил меня прийти к нему в гости поиграть в компьютерные игры и поесть пиццы. Он сказал, что просто обязан познакомиться с парнем, у которого всегда есть запасная футболка. Я не был уверен, что тут нет подвоха, но всё же согласился.

Вскоре выяснилось, что мы оба любим шахматы, тупые каналы на YouTube, астрономию, а больше всего остального – ужасные каламбуры. С кем ещё можно было сначала хотеть над неожиданно смешным телешоу, а потом играть в шахматы и обсуждать такие невероятно интересные вещи как: погибнет ли человечество от растущего количества мусора на орбите (я: «Наверняка»; Эдвин: «Да ну, уж как-нибудь мы решим эту проблему»).

И совсем скоро я понял, каким невероятно классным он был – возможно, самым классным школьником из всех, кого я встречал. За три года я ни разу не видел, чтобы он хоть с кем-нибудь обошёл жестоко. Он всегда отдавал всю мелочь, которую находил в карманах, бездомным, которые попадались нам на улицах или в метро.

Но, по-моему, кроме общих интересов, нас сближало, только не смейтесь, взаимное уважение друг к другу. Через год после нашего знакомства он сказал мне, что он обожает меня за то, что я не даю себя в обиду школьным хулиганам (приятно слышать от него такое, но на самом деле я давал

себя в обиду... иногда).

А в другой раз он как будто случайно сказал:

– Знаешь, что мне больше в тебе нравится, Грег?

– Наверное, то, что у меня всегда найдётся что перекусить?

– Ты похож на папоротник, – пояснил он. – Такой же пушистый и непритязательный.

Я не смог не рассмеяться, и он тут же оживился.

– Видишь, – сказал он. – Кто ещё будет смеяться над такой шуткой? Что бы я ни сказал, ты всегда смеёшься или придумываешь что-нибудь смешное в ответ. С остальными мне приходится всё время притворяться, что я всерьёз интересуюсь бейсболом, фильмами про супергероев и крутыми тачками. Я ничего не имею против всего этого, но они только про это и могут говорить. А ты ради друзей и семьи готов на всё. Ты бы последнюю рубашку снял ради меня. Вот серьёзно, сколько раз ты именно это и делал? Пять? Шесть?

И он был прав. Кроме прочего, у нас была ещё одна уникальная способность: одежда на нас буквально горела во всяких дурацких происшествиях. На мне – из-за бекона в карманах или опрокинутой на себя тарелки, а у Эдвина – из-за его участия в глупых спектаклях школьного театра и других непредвиденных обстоятельств.

Я чуть не расплакался, когда Эдвин это сказал. Но вместо этого я тупо скаламбурил, и мы рассмеялись. Потому что я не плачу. Честно. Совсем. Одно из главных правил мое-

го отца: Бельмонты не плачут. Никогда. Даже когда я родился, в роддоме все с удивлением отметили мою странность – неплачущий ребёнок. Отец лишь гордо улыбался. Однажды я пытался выяснить у отца, откуда взялось это правило «не плакать», потому что во всём остальном он был крайне чувствительным человеком. Отец ответил, что просто ещё не было поводов. Потому что если сейчас вокруг сплошная безысходность, то, значит, потом нас ждёт радостное и светлое будущее. Ведь если каждую неделю случаются четверги, потом целую неделю никаких четвергов не предвидится.

Короче, мы с Эдвином всегда могли положиться друг на друга. Поэтому чем больше я думаю о том, на что он пошёл в зоопарке ради меня, тем менее странным мне это кажется. В конце концов, ради него я бы поступил так же. Я бы, ни на секунду не задумавшись, преградил дорогу дикому белому медведю (целому стаду диких медведей).

Этим вечером, вернувшись домой, я на удивление быстро заснул. Особенно учитывая, что сегодня на меня нападали медведь, птичка и здоровенный псих по имени Перри. Но от мысли, что Эдвин – мой лучший друг, все неприятности стали казаться куда менее серьёзными, чем на самом деле.

И я заснул, ещё не зная, что следующий день (пятница) окажется в сорок раз хуже, чем все предыдущие четверги вместе взятые.

Глава 4

В которой я ем козлиные шкуры, покрытые пчелиной отрыжкой

На следующее утро папа вернулся из Норвегии более взбудораженный и восторженный, чем обычно. А когда речь идёт о моём отце – это что-нибудь да значит.

Немногое может привести Тревога Бельмонта в такой восторг. И, несмотря на то что он заранее уверен, что любая попытка обречена на провал, он каждый раз принимается за новое дело с упорством человека, которому всегда везёт.

Мой папа был самым радостным, восторженным и целенаправленным пессимистом из всех, что мне встречались. Тем более сегодня была пятница – самый любимый папин день, потому что до следующего четверга оставалось ещё о-го-го сколько. Самые безумные свои затеи он начинал именно в пятницу.

Временами мне хотелось быть похожим на него. Ну не совсем, конечно. В конце концов, ещё чуть-чуть и его бы официального признали сумасшедшим. Человек, который тратил все деньги на поиски в дремучих лесах того, во что

остальные предпочитают не верить. Даже мистер Ольсен не до конца одобрял эту страсть моего отца, которую он торжественно называл «Моя доля».

Но после того как он годами старался добиться лучшего, отчего выходило только хуже, я решил, что не стоит даже и пытаться. Но зато папа не останавливался и продолжал хвататься за разные бредовые затеи, не обращая внимания на плачевные результаты (и на окружающих, которые вслух называли его кретином). Например, пару лет назад он пытался соорудить прямо в гостиной каменный горячий бассейн, после чего пол просто провалился.

И даже тогда он просто широко улыбнулся и сказал:

– Следующим летом попробую построить его во внутреннем дворе!

Папа был так уверен в собственных неудачах, что просто не обращал внимания на страх и разочарование. Ему неведома была жалость к себе.

Однажды он сказал мне:

– Грег, оптимизм – изюминка любой трагедии. Если ждёшь только худшего, то сердечный приступ – это просто мелочь.

– Грег! – крикнул отец в пятницу утром, просунув голову в мою комнату как минимум за час до того, как мне можно было проснуться. – Идём на кухню! На стол я уже накрыл. Тебя ждёт новый чай!

Если бы меня разбудили на час раньше положенного в любой другой день, то я бы лишь застонал, но это утро особенное. Я вскочил с кровати и что-то натянул на себя, как будто и не спал вовсе. Именно за это я люблю его поездки. Это наш ритуал с тех пор, как мне исполнилось четыре года. Когда он возвращался домой – не важно, в какое время, хоть в три утра, – он заваривал чай, и мы играли минимум одну партию в шахматы, а то и больше. Это было настолько важно, что если бы он вернулся днём, то заехал бы в ПУК и забрал бы меня в ближайшее кафе, чтобы сыграть партейку.

Не успел я зайти в нашу крошечную кухню, где мы и ели, он бросился на меня и так крепко, по-медвежьи (ха-ха!), обнял меня, что я чуть не задохнулся.

– Я так рад, что с тобой всё в порядке, – быстро говорил он. – У меня было странное предчувствие, что с тобой может что-нибудь случиться. Особенно вчера. Но до медведя я даже не додумался!

– Да уж, мало приятного, – сказал я, снова обретая способность дышать. – И вообще страшно.

– Четвергам не знакома жалость, – сказал папа. – Ну, начнём.

Он подошёл к маленькому столику рядом с холодильником, где уже стояли две чашки органического чая и доска с расставленными фигурами. В этот раз я играл чёрными – мы чередовались.

– Хочу, чтобы ты поскорее попробовал этот сбор из Нор-

вегии! – сказал отец. Его и без того неугомонные руки почти дрожали, когда он протянул мне позвякивающую на блюде чашку.

– Я добавил в него новую травку, которую я там нашёл, местные называют её *barberhøvelblad*, что примерно переводится как «острый лист».

Ничего необычного – он всегда приходил в неопиcуемый восторг, если мне предстояло попробовать его новые товары. Мне даже казалось, что он делает их специально для меня, а не для каких-то там покупателей. Новый чай был коричневого цвета и пах листвой и морёным деревом. Мало чем отличался от других его смесей. Он старался, чтобы его чаи были более приближены к земле и насыщеннее, чем та гадость, что продаётся в супермаркетах и кофейнях.

В его чашке чай был другим и совсем не похож на предыдущие. Насыщенного, почти фиолетового оттенка. Над чашкой, как мистический туман, поднимался пар.

– А у тебя другой? – спросил я.

– Ага. В этот я добавил совершенно особенный и крайне редкий ингредиент из Норвегии, – пояснил он. – Я с давних пор за ним охотился. Таких давних, когда тебя ещё и на свете не было...

– Папа, – перебил я его, когда он театрально уставился в потолок. – По-моему, не подходящее время для историй...

– Время для историй всегда найдётся, Грег, – сказал он и улыбнулся так, что я тут же узнал собственную улыбку.

– Можно попробовать твой? – спросил я.

– Нет, – быстро ответил он.

Кажется, он понял, что мне это показалось подозрительным, и добавил:

– Прости, сын. Я хотел сказать... Просто поговаривают, что у этого ингредиента есть побочный эффект. И я... я не хочу рисковать тобой. Сначала испытаю на себе. Если обойдётся, то завтра я тебя угощу, идёт?

Я пожал плечами и кивнул, а сам подошёл к полке и снял коробку с надписью» «Крупные овсяные зёрна лучшего помола (или, как я называл их, «КОЗЛы», потому что в моём представлении сырые козьи шкуры на вкус точно такие же).

Нелепая надпись занимала всю коробку, и для какого-нибудь дурацкого мультяшного персонажа просто не осталось места. Я снова сел за стол с чашкой хлопьев, политых природным мёдом (он же пчелиная отрыжка – сами проверьте) и органическим цельным молоком.

Отец отпил из своей чашки и сделал свой обычный ход: е4. Когда папа играл белыми, он всегда делал этот ход. Распространённое начало. До девяностых. Сейчас традицией считается первый ход делать королевской пешкой. Но отец играл уже 40 лет, и 40 лет его первым ходом был е4. Он говорит, что лучше быть профессионалом в одном деле, чем посредственностью в нескольких.

И не поспоришь.

Я поперхнулся, проглотив первую порцию сухих гранул,

и запил их глотком чая. По вкусу он был похож на остальные чаи отца (сочетание высохших в канаве сорняков, заплесневелых фруктовых кожурок и просеянного гравия). Но на вкус весьма неплохо.

Отец усталился на собственную чашку, покрутил её и сделал ещё один глоток. Потом задумчиво откинулся на стул. Как будто ждал, что чай ни с того ни с его превратит его в орла или ещё в кого-нибудь.

– Ну и как? – спросил он.

– Норм, – ответил я и сделал ответный ход – д5 – скандинавская защита. Папа улыбнулся, понимая, что я начал так в честь его поездки в Норвегию. Эдвин тоже бы оценил моё каламбурное начало.

– Знаешь, Грег, – сказал отец. – У того медведя в зоопарке не было никаких шансов против тебя. Ты же Бельмонт. Твоего прапрапрапрапрадедушку в его деревне называли не иначе как Борин Бельмонт Медвежutnik, потому что он прикармливал медведей, а на ночь рассказывал им сказки. И у него не было шубы из медвежьих шкур только потому, что он всегда поддавался им во время схватки. И ожерелья из медвежьих черепов у него не было потому, что они с гризли были лучшими друзьями. И у него не было...

– Папа, я уже понял, – перебил я. – И не ты ли рассказывал, что именно Борина съела семейка медведей где-то в сибирских лесах.

– Это совсем не важно, – ответил папа.

– А в этих историях есть хоть капелька правды?

– Капелька точно есть... – ответил отец, делая следующий ход. – Его действительно звали Медвежутником, но потому, что он продавал медвежьи шкуры и меха. Прошу заметить, что он это делал до того, как медведи стали исчезающим видом. А в те времена они считались крайне опасными зверями для маленькой деревушки.

Я отхлебнул ещё своего кислого чая. Отец глотнул свой. И нахмурился. Непонятно, то ли вкус не понравился, то ли отсутствие хоть одного кусочка пиццы так на него действовало. Он всё ещё хмурился, делая очередной ход.

– Ты всерьёз думаешь, что я бы справился с медведем? – спросил я.

– Вообще, вряд ли, – признал он. – Особенно без оружия. Даже опытный Борин Медвежутник в итоге наткнулся на достойного соперника.

Ну что ж, папа всегда был предельно честным и чертовски прямолинейным. Я уже привык. Он почти никогда не врал (даже по мелочам), хотя бы потому, что у него это никогда не получалось.

Я кивнул и сделал ход.

Пока я ждал ответного хода, сделал ещё один глоток и тут заметил у входа, в коридоре, внушительную дорожную сумку. Она как-то неестественно топорщилась по бокам и из неё, из расстёгнутой молнии торчала деревянная рукоятка с замысловатой резьбой и металлической инкрустацией. Было в

ней ещё что-то такое, чего я не мог бы объяснить. Трудно поверить, но казалось, что загадочная рукоятка манила меня к себе, вынуждала встать, подойти к ней и достать из сумки – чем бы она ни была.

«Сделай это», – раздался голос у меня в голове.

– Что? – переспросил я.

– Что? – непонимающе ответил отец.

– Ты что-то сказал сейчас?

Он пожал плечами.

– Я молчал, Грег.

– То есть ничего не говорил только что?

Он покачал головой и казался очень сосредоточенным. Я решил, что это у меня слуховые галлюцинации на фоне стресса. Но всё же не мог оторвать взгляда от странного предмета в отцовской сумке.

– Что это? – спросил я.

– Что это что?

Я показал на дорожную сумку у него за спиной.

– Ах, это! – ответил отец, вздрогнув. – Да ничего особенного. Дешёвая поделка для украшения магазина.

Он быстро вскочил и поспешил спрятать сумку у себя в комнате. Ну что я говорил: врать у него совсем не получается.

– Совсем не похоже на поделку, – сказал я и был абсолютно прав, хотя даже не знал, что это за предмет.

– Просто удачная копия, – буркнул отец, возвращаясь за стол и отхлёбывая ещё своего фиолетового чая.

Уверен, что он хотел ещё что-то добавить, но вместо этого сказал:

– Налей себе ещё чаю, Грег.

Я с восьми лет подозреваю, что отец скрывает от меня что-то очень важное. С этого времени я стал замечать, что каждый раз, когда он произносит «Грег», то делает драматическую паузу с особым придыханием, как будто собирается признаться мне, что на самом деле я робот, которого он собрал у нас в подвале или что-то в этом духе. Но потом он либо передумывал, либо трусил, потому что обычно заканчивал свою мысль как-нибудь так: «Эй, я сегодня приготовлю шницель на ужин».

Лично у меня было два возможных объяснения: либо давным-давно у меня был брат-близнец, который умер при загадочных обстоятельствах, либо мой дедушка в прошлом был серийным убийцей, наводившим ужас на подростков каждое лето в детском лагере где-нибудь в пригороде.

Я не стал приставать с вопросами, потому что когда имеешь дело с папой, лучше оставить всё как есть. Однажды я очень настойчиво просил раскрыть секретный ингредиент (у папы все ингредиенты были секретными) в его рагу. Наконец папа сдался и ответил, что я только что съел кальцинированные язычки ящериц, ферментированные в китовом стуле. С тех пор я предпочитаю не нарушать папины заветные секре-

ты. Это даже не ложь – я бы назвал это избирательным умалчиванием. Так что папа был не безнадёжным обманщиком, но замечательно избирательным молчуном.

– Как тебе новый чай? – спросил он. – Освежающий? Слишком вкусный? Слишком необычный?

– Необычный по сравнению с чем? – спросил я. – Папа, это же чай. Что в нём может быть необычного?

Он покрутил чашку в руке, словно ожидая, что чай шепнёт ему, как сделать вкус ещё лучше. Потом сделал ход.

Отменный ход. На самом деле недалеко было до цугцванга. Для тех, кто не разбирается в игре (если вы нормальный подросток, то наверняка так и есть), поясняю: это означает, что проигрыш неизбежен, хотя у вас оставалась ещё парочка ходов до объявления официального мата. Когда всё очевидно, то хорошим тоном (это не то же самое, что спасовать) считается признать своё поражение.

– Ничего не поделаешь, – сказал я и положил своего короля на доску. – Мне пора собираться в школу.

Отец задумчиво кивнул.

– В этот раз ты почти дотянул до эндгейма, – сказал он. – Скандинавская защита, хотя каламбур получился и отменный, тебя подвела. Ты же знаешь, что я отлично умею её обходить.

– Отец, ты обходишь любую защиту, – сказал я. – Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь тебя одолеть.

– А как же, – ответил он. – Все Бельмонты однажды по-

беждают своих отцов. Мне было 19, когда я впервые обыграл твоего дедушку. Это был великий день – пятница, конечно же.

Я за пару глотков допил чай.

– Хотел бы я, чтобы ты сыграл разок с Эдвином, – сказал я. – Вот это была бы игра.

– Не сомневаюсь, – ответил он.

Эдвин всегда нравился папе, а папа Эдвину. Потому что Эдвин был единственным, кто приходил в такой же восторг от его «доли», как и сам папа. Он каждый раз расспрашивал отца об этом, и отец не устоял.

«Ты должен попробовать чай отца», – сказал голос у меня в ухе.

– Что? – удивлённо переспросил я.

Отец приподнял бровь.

– Грег, с тобой всё в порядке?

– Да... хотя не уверен, – сказал я. – Мерещится всякое. Слишком рано встал, наверное.

Отец задумчиво кивнул, глядя на свой фиолетовый чай. Я знал, что голос живёт только у меня в голове. И я не сомневался в том, что отец прав насчёт побочных эффектов его нового чая, потому что такое уже случалось и раньше. (Однажды из-за нового мыла моё лицо позеленело на целую неделю.)

Я, конечно, люблю пробовать папины новинки, но не скажу, что жить без них не могу. И поэтому до сих пор не пони-

маю, зачем я сделал то, что сделал. Может быть, голос в голове был слишком убедительным. Ну или то, что я ещё никогда не видел ярко-фиолетового чая.

Как бы там ни было, я будто случайно оттолкнул своего короля, и он сшиб несколько папиных фигур, отчего они скатились на пол.

– Ой, прости, – сказал я.

– Нестрашно, – ответил отец, наклоняясь, чтобы собрать их.

Я быстро схватил его чашку, сделал два больших глотка и быстро поставил её назад, пока он не выпрямился.

Чай вспыхнул у меня во рту.

Не в прямом смысле, конечно. Но такого чая я ещё никогда не пробовал. Он был острым и кислым, почти противным и от него во рту всё онемело. Я уже пожалел, что тайком выпил его, но было поздно.

– Мне пора, – сказал я, стараясь совладать с онемевшим, неуклюжим языком. – Пойду собираться в школу.

Отец улыбнулся и кивнул. Если бы я знал, что вижу его улыбающимся практически в последний раз, то улыбнулся бы в ответ. Я бы остановился и постарался запомнить его улыбку, а не шмыгнул бы в свою комнату, как самый последний гвинт.

Глава 5

В которой Грег и Эдвин гарцуют и резвятся на цветочном лугу

Фотография размером 8x10 была прилеплена к моему ящичку. Это был скриншот с ролика на YouTube, где я бешено удирал от белого медведя Уилбора. На фотографии мой рот перекосило так дико, будто я пытался прожевать потревоженный улей.

Десятки фотографий были развешаны по всей школе. Мне даже польстило, что кто-то потратил уйму времени, чтобы напечатать столько фоток, и потом пришёл в школу рано утром, чтобы их развесить. Да и что мне оставалось делать, кроме как улыбнуться и забить. К тому же у многих действительно были причины недолюбливать меня. Мне часто говорили (в основном Эдвин), что моя излишняя прямолинейность может показаться грубостью. Это проблема всей нашей семьи, включая тётушек и дядюшек. Даже моя мама была такой, пока не умерла. Все Бельмонты не умеют лгать (я уже говорил), и поэтому мы всегда говорим всё, что у нас на уме, плохое или хорошее.

Например, мне не стоило говорить суперпопулярной восьмикласснице Джинни Эллен, что её канал на YouTube (о том, как важен макияж и красивая внешность) был по сути унижительным и лишал её возможности воспитать чувство собственного достоинства. Теперь я понимаю, почему она тогда разревелась, но в тот момент я просто хотел быть честным.

Как бы там ни было, я не сразу заметил – к третьему уроку, если быть точным, – что со мной что-то не в порядке.

Сначала я даже не мог понять, то ли это запоздалая реакция на вчерашнее нападение медведя, то ли совсем наоборот. Я был зверски голоден. И кстати, это вполне правдоподобное объяснение. Иногда я бывал таким голодным, что подумывал, а не съесть ли тряпку с учительского стола. Однажды я даже сгрыз кончик своего карандаша (а что, вполне съедобно).

Третьим уроком была философия, и мы читали о комедии Данте Алигьери. Наш учитель доктор Туфнел (однажды я обратился к нему «мистер Туфнел», за что получил целый час взыскания) отказывался называть эту работу «Божественной комедией». Он пытался объяснить нам, что называть её так – значит, совершать грубую академическую ошибку, но мне было не до того. Я решал более серьёзную задачу, стараясь понять: то ли мне хотелось сгрызть собственную руку, чтобы утолить нечеловеческий голод, то ли во мне определённо проклёвывались суперспособности.

И, что самое забавное, я не чувствовал никакой угрозы в этом чувстве. Скорее во мне зарождалась невероятная сила. Ничего смешного. Я казался себе непобедимым. Попадись мне на пути бегемот в четверг, то я бы его одолел. Даже двух бегемотов. С нунчаками.

К обеду странное ощущение окрепло настолько, что стало ясно – всё-таки это голод. Иначе я бы уже захватил школу, водрузил на крыше флаг Бельмонтов, занял бы минарет и правил бы ПУКаами как единственный и полновластный повелитель и господин. Вот каким сильным было ощущение.

Но сначала надо перекусить, вдруг это всё-таки просто голод.

Эдвин всегда приглашал меня за свой столик в обеденный перерыв. Но вокруг обычно толпилось столько восторженных девчонок и безупречных парней, которые всем своим видом показывали, что я здесь лишний. Однажды в шестом классе я подсел к ним, и ничего хорошего из этого не вышло. Не то чтобы они хамили мне в лицо, но я чувствовал себя не в своей тарелке.

Поэтому обычно я обедал в тихом закутке, подальше от остальных столиков. Подальше от толпы бодрых и весёлых учеников, которые оживлённо болтали с друзьями. Моё же место было скрыто двумя высокими колоннами. Тут на задворках огромной столовой уютно спрятались диванчик, столик и стул.

И кроме Головастика сюда никто не приходил.

Это был единственный ученик в ПУКе, чей социальный статус был ещё ниже, чем мой. Может, потому, что однажды он пришёл в школу без штанов – хочется верить, что по рассеянности. И ещё он всё время что-то бормотал себе под нос. Какую-то чушь. В эту пятницу, заняв своё место, он бормотал себе под нос что-то насчёт хомячков, которых надо засовывать в воздушные шарики и привязывать к ремню. Без шуток.

– Вот будут у тебя шарики, полные хомячков, тогда ты станешь счастливым. Привяжи шарики к ремню и гуляй себе с гроздью хомячков в шариках на ремне.

Это ещё не всё, но дальше становилось уже совсем непонятно. Если честно, то когда его слушаешь, обязательно возникают вопросы, на которые нет ответа. Пару раз я пытался спросить у него, что он такое бормочет, но ответы его были отрывистыми и загадочными: король Миссл, лев Педро, «Скажи привет».

Я удивлённо приподнимал бровь, а он улыбался и снова принимался бормотать невзвесть что. Пару раз я пытался поговорить о чём-нибудь другом, но его ничем не проймёшь. Единственное, что мне удалось узнать, что его отчим разработал самую популярную игровую франшизу за всю историю видеоигр. Самое смешное, что если бы остальные ученики узнали об этом, то наверняка это забросило его на самую вершину славы. Но, я подозреваю, что почему-то именно этого Головастику меньше всего и хотелось.

Пока он сидел на диванчике и всё бормотал про своих хомячков (видимо, подсчитывал точное количество, которое должно висеть на ремне), я изучил свой обед. Какие ПУКи – такой и обед: жареная камбала со сливочным соусом и салатом из рукколы. Я смотрел на скромные порции, и мне отчаянно хотелось, чтобы еды было больше. Порции в ПУКе были до смешного крошечными, по сравнению с теми, к которым я привык дома.

Странное желание «захватить мир» снова начало одолевать меня. Внезапно (абсолютно некстати) я понял, что еды может быть больше, стоит мне только захотеть. Не знаю, как это мне взбрело в голову, но я сам поверил в это.

И тут произошло нечто совсем невероятное.

Под ногами у меня зашуршал зелёный листок.

Крошечные побеги стали пробиваться сквозь мраморные плитки пола. Они неторопливо вытягивались вверх, пара сантиметров в секунду, затем раскрыли листья. И вскоре передо мной красовался великолепный экземпляр рукколы, выросший прямо из пола.

– Головастик, ты только посмотри, – сказал я.

Он мельком глянул, но то ли ничего не заметил, то ли решил, что ничего удивительного в этом нет. Он снова погрузился в свой странный мир, отрешённо уставился в пол и медленно жевал сэндвичи с сардинами.

Я наклонился и пощупал один из листочков у своих ног. Я легко сорвал его и положил в рот. Должен же я был прове-

рять, прежде чем потерять сознание от изумления.

Лист рукколы был острым и очень свежим. И совершенно настоящим. Поднос выпал у меня из рук и опрокинулся на пол. Головастик мельком глянул на него, и снова погрузился в пучину собственных мыслей.

Я метнулся в просторный зал столовой. Эдвин, как всегда, сидел за столом в толпе своих поклонников. Они захихикали, когда я приблизился, но он шикнул на них.

– Можно с тобой поговорить? – спросил я.

– Конечно, Грег. Что случилось?

– Не здесь, – ответил я. – Это очень важно.

Эдвин встал и пошутил, сказав что-то вроде того, что мы отправляемся порезвиться на цветочном лугу. Все прыснули со смеха. Если бы это сказал я, никто бы даже не улыбнулся. Но, повторяю, у Эдвина была способность всё превращать в шутку. Он может сказать, что твоя бабушка только что умерла, и ты будешь смеяться, сам не зная почему. Эдвин в полном недоумении пошёл за мной следом в коридор, куда выходили двери столовой.

– Дружище, что случилось? – спросил он. – Слушай, я понимаю, что тебе туго пришлось сегодня. Я лично сорвал все картинки, которые тут были развешаны.

– Да я не об этом, – перебил я его. – Что-то странное происходит со мной. Уже произошло. У меня такие странные ощущения. Не могу описать... Как будто теперь я могу всё что угодно. Понимаю, что звучит тупо, но мне кажется, что

у меня возникла... не знаю... сила... что ли.

– Оу... – сказал Эдвин. – Грег, чувак. Это называется уверенностью в себе! Просто она до этого крепко дремала в тебе.

Он протянул палец, чтобы шутливо ткнуть меня, но я перехватил его руку.

– Я серьёзно, без шуток! – крикнул я.

– Хорошо, просто успокойся, – сказал Эдвин, и его улыбка погасла. – Может быть, это скачок адреналина, потому что ты осознал, что чуть не умер вчера? Типа, раз уж я пережил нападение медведя, то всё остальное мне под силу. Так?

– Да, может быть, – признал я. – Но... я же Бельмонт!

– И что?

– А то, что, ты сам знаешь, я уже много раз был на волосок от смерти, – пояснил я. – Например, прошлым летом мы с папой попали в аварию. Из-за коровы (Честно. Долго рассказывать). Или три года назад, когда папа чуть не спалил весь дом, пытаясь приготовить варёного гуся на обед. Или...

– Хватит, я понял, – сказал Эдвин.

Он всегда начинал скучать, если я принимался рассказывать бесконечные истории о злоключениях семьи Бельмونت. Он считал, что наша уверенность в собственной невезучести и есть причина всех проблем – самовнушённое пророчество, вот как он это называл.

– Давай по-быстрому сыграем в шахматы, – сказал он, доставая телефон. – Если у тебя всерьёз развиваются новые си-

лы, то у тебя появится шанс обыграть меня. Других шансов у тебя просто нет.

– Да ну тебя, не смешно.

– А я и не шучу, – ответил Эдвин.

Я кивнул, но потом вспомнил, что испытания и не нужно.

– На самом деле у меня уже есть доказательство того, что происходит что-то странное, – сказал я. – Иди за мной.

Я отвёл Эдвина в конец столовой. Там всё ещё сидел Головастик, жуя свой сэндвич и не обращая на нас внимания. Я ткнул пальцем в рукколу, росшую из плиток рядом с диванчиком.

– Она выросла только что по моему желанию, – сказал я. – Силой мысли. Не знаю, как это получилось, но это сделал я. Наверняка.

И потом произошло нечто странное. Выражение лица Эдвина полностью поменялось. Но это не было удивление или смущение. И это не было недоверием или хотя бы восторгом. Скорее это было беспокойство. Казалось, что вид этих растений доставил ему больше беспокойства, чем если бы он узнал, что его родители потеряли всё семейное состояние, поставив на то, что Chicago Bears выиграют наконец второй Суперкубок.

– Здорово, – сказал наконец Эдвин. – Конечно, если ты не приручкаешься надо мной.

– Опять ты со своими каламбурами! – сказал я, но невольно улыбнулся.

– Ты о чём? – удивился он. – Сейчас не до каламбуров. Все это *престравно*.

Я снова не смог сдержать улыбки, хотя в этот момент меня больше волновало моё психическое состояние. Наверное, своими каламбурами он хотел подбодрить меня. Хорошо, что он школьного психиатра не позвал.

– И что мне делать? – спросил я.

– Не знаю, Грег, – сказал Эдвин. – Лучше всего тебе постараться больше не делать ничего подобного. Просто подави в себе это чувство и не привлекай лишнего внимания.

– Почему? Тебе что-то известно?

– Нет. Конечно же, нет! – сказал он. – Я ошарашен не менее тебя. Но уверен, что большинство учителей решат, что ты над ними издеваешься или ещё что похуже. Поэтому возьми себя в руки и не задерживайся в школе после уроков. Потом всё вместе обсудим.

– Ладно... хорошо, – сказал я, благодарный за его рассудительность.

– Отлично, – сказал он уходя. – И я не шучу. Будь осторожнее с этим...

Я кивнул ему вслед, всё ещё удивлённый его реакцией: дружеской и в то же время совсем непривычной. Может, он знает больше, чем говорит? Впрочем, это вполне в духе Эдвина – вот почему он так легко выигрывал в шахматы и заводил друзей. Он всегда знал что-то, чего не знал ты. Вот какой он был умный.

Пока я стоял возле рукколы, которую вырастил силой мысли, я заметил пристальный взгляд Головастика. Он встал и посмотрел мне прямо в лицо.

– Ты многого о себе не знаешь, – сказал он.

– Например?

Он не ответил, а быстро накинул рюкзак и ушёл, прежде чем я успел перепросить ещё раз, что он имел в виду.

Глава 6

В которой выясняется, что я умею ломать лицом кости

До конца уроков ничего странного больше не произошло. Скорее всего, потому что я старался, как и советовал Эдвин, избегать этого. Когда закончился восьмой урок, единственное, чего мне хотелось, – это поскорее убраться из школы, пока ещё чего не случилось. А то вдруг я нечаянно выращу прямо посреди холла кукурузу или залью спортзал дождём. Я забрал рюкзак из своего шкафчика и поспешил к выходу. Но, очутившись на запасной лестнице, натолкнулся на толпу учеников. Они окружили пролёт второго этажа. Спустившись на три ступеньки, я понял, что привлекло их внимание.

Перри и Головастик.

Нельзя сказать, что они мирно беседовали. Перри держал Головастика за лодыжку вверх ногами. Длинные сальные волосы бедняги свисали вниз.

– Ну же, – сказал Перри, со смехом приподнимая и опуская Головастика несколько раз, так что его голова едва не стучалась о мраморный пол. – Попрыгай, как настоящая жа-

ба.

Должен сказать, что окружившие их подростки хихикали, как будто они видели в этом что-то смешное, а не кошмарные издевательства. Хотелось бы верить, что они просто боятся, что Перри отомстит им, если они не рассмеются, хотя многие из них были его закадычными друзьями. Ведь такое зрелище могло понравиться только больным на голову людям.

Я знаю, как поступил бы в любой другой день. Хотелось бы сказать, что я тут же вмешался бы и спас несчастного, пусть и с тяжёлыми для себя последствиями. Но буду честен: я бы просто сбежал. Потому что с моим везением я уже давно понял, что бороться с трудностями – значит, делать ещё хуже. Что хорошего будет, если побьют двух ребят сразу, а не одного?

Но сегодня всё было иначе. И я, недолго думая, решил, что Перри должен ответить за это. И вместо того чтобы убежать, я громко крикнул:

– Эй, Перридринкл!

Все обернулись на меня. Назвать Перри полным именем – такое ещё никому не сходило с рук!

– Если ты завидуешь, что мама Головастика не бросила его, это ещё не повод издеваться над несчастным созданием.

Толпа ахнула. Все знали, что мама бросила Перри, когда ему было 2 года. И он до сих пор болезненно переживал это, потому что у него было шесть татуировок про маму, которые его отец, профессиональный борец, разрешил сделать.

Я тут же пожалел, что сказал это. Я ничего не исправил, зато совершил большую ошибку. Мог бы просто вежливо попросить его прекратить. Вдруг он послушался бы.

– Шарик-Лошарик Жирмонт, – медленно сказал Перри, чеканя каждое слово. Он бросил Головастика на пол бесформенной кучей. Я успел пройти три последние ступеньки. Остальные ученики обступили меня, отрезая путь к отступлению. Головастик с трудом поднялся на ноги и схватил свой рюкзак. Он благодарно кивнул мне, юркнул в толпу и поскорее убежал. Перри был так близко, что мои ресницы чуть не расплавились от его горячего дыхания.

– Наверное, ты мазохист или как там таких называют, – сказал Перри. (Интересный факт про учеников частных школ. У них богатый словарный запас.) – Мало того что ты дошёл белого медведя, так теперь ещё и оскорбляешь мою маму. По-моему, ты грубиян. Для жирдяя ты слишком нарывистый, ты это ещё не понял? Но у тебя пока есть шанс извиниться перед тем, как я разобью твоё лицо. Если я поверю в твою искренность, то обещаю сделать это по-быстрому.

– Ну... я сожалею, – сказал я, понимая, как фальшиво звучат мои слова.

– Тебе придётся пожалеть, – быстро сказал Перри, почти сочувствующим тоном, как будто это не он сам хотел разбить моё лицо в лепешку, а просто статус мачо обязывал его это сделать.

От прежней смелости не осталось и следа. Та суперсила,

которую я ощущал весь день, теперь куда-то улетучилась. Я забился в угол, как обессиленный боксёр хватается за канаты, моля о том, чтобы бой поскорее кончился.

Перри надоело болтать попусту. Он решил поставить точку своими увесистыми кулаками. Левой рукой он схватил меня за отворот рубашки, а правую очень медленно и уверенно отвёл назад.

Я закрыл глаза и стал ждать удара. Я ощутил порыв ветра, когда его кулак с невероятной скоростью полетел в меня. За ним должен был последовать удар, но я не почувствовал никакой боли. Казалось, что кто-то запустил в меня ластиком.

От истошного вопля Перри я снова открыл глаза. Он согнулся пополам, прижимая к себе ушибленную руку. Его лицо исказилось от боли, пока он растирал опухшую руку, со скрюченными, безжизненно свисавшими пальцами.

Он посмотрел на меня и отступил.

– Вот урод, – ощерился он.

Все дети, столпившиеся на лестничном пролёте, безмолвно уставились на меня. Не знаю, что сейчас произошло, но факты таковы:

1. С лицом всё в порядке.

2. Я каким-то образом сломал руку Перри.

Все перешёптывались, когда я проталкивался в толпе. Когда я приближался, они расступались, как автоматические двери или волшебное море из древних легенд.

Затем я услышал шёпот, в который невозможно было по-

верить: «Мне померещилось или Грег Жирмонт только что превратился в камень?»»

Глава 7

В которой я узнаю, как сделать свои крылья сочными

Когда я вошёл в магазин, отец стоял за стойкой в фирменном фартуке. Он мельком взглянул на меня и продолжил объяснять покупателю, почему его мыло ручной работы особенное: в нём сплетаются качество, неповторимость и гармоничное природное сочетание природных элементов. И изготавливают его способом, которому не одна сотня лет, возникшему, когда о слове «органический» даже и не слышали. Все природные свойства бережно сохранены и так далее и тому подобное. Я слышал его хвалебные речи сотни раз. Но он не просто расхваливал свой товар. Он был искренне уверен, что органические товары как ничто другое воссоединяют людей с природой и с самой землёй.

Я надел фартук и встал за стойку рядом с отцом. Он выбил покупателю счёт и наконец повернулся ко мне.

– Как дела в школе?

– Ну... – протянул я, раздумывая, с чего начать. Как мне разумно рассказать о том, что произошло (например, пре-

вращение в камень или выращивание растений из-под пола силой мысли), чтобы он не решил, что я спятил? – Ну, – наконец-то продолжил я, – происходило кое-что совсем непонятное.

Он слегка выгнул бровь.

– Ну, в смысле... ничего особенного...

– Грег, ты же знаешь, что можешь рассказать мне обо всем, – сказал отец.

– Просто... мне кажется, что ты мне неверишь, – сказал я.

– А ты попробуй.

– Ладно. Короче... ну... Пап, я заставил силой мысли вырасти растение прямо из мраморного пола на втором этаже. У меня не все дома, да?

Я думал, отец посмеется, фыркнет и скажет, что у меня слишком бурное воображение. Мне казалось, что он не поверит и встревожится за меня. И совсем не ожидал, что его глаза вспыхнут, как огоньки на ёлке. Он склонился ко мне с таким видом, как будто только что выиграл миллион, но теперь ещё предстояло вывести у меня, где спрятан лотерейный билет.

– Грег, я хочу, чтобы ты был абсолютно честен со мной, – сказал он. – Очень важно, чтобы ты говорил только правду. Обещаю, сердиться не буду.

– Хорошо...

– Ты утром тайком отпил мой чай?

Я вздохнул и кивнул, ожидая, что сейчас он перестанет радоваться и разозлится. Ну или будет очень недоволен. Но вместо этого он едва не прыгал от восторга. Папа победоносно выкинул руку вверх.

– Я знал это! – крикнул он самодовольно, ни к кому не обращаясь.

– Папа, да что происходит? – спросил я. – Что ты знал?

– Кто-нибудь ещё видел, как это произошло? – спросил он, не обращая внимания на мой вопрос.

– Папа, что со мной происходит? Что ты подсыпал в этот чай?

– Грег, это очень важно, – сказал отец, настойчиво. – Кто-нибудь ещё видел, как ты это сделал?

Сначала я подумал про Головастика и Эдвина. Они видели рукколу, но потом вспомнил, что ещё двадцать, если не больше, школьников видели, как я превратился в камень. Я должен был ответить: «Да». Полшколы это видело.

Но тут до меня дошло – отец прекрасно понимает, что происходит со мной. И это как-то связано с фиолетовым чаем. И тем странным предметом в его сумке. Да и всем остальным, что он всю жизнь скрывал от меня. Я не возражал, когда он не сообщал мне, что оладьи, которые я недавно съел, были из жареных птичьих мозгов, маринованных утиных язычков или тушёных червяковых кишок.

Но сейчас, когда на меня нападали то медведи, то птицы, а я сам превращался в камень, мне кажется, я имел право

знать всю правду.

– Ничего больше не скажу, пока ты не объяснишь, что происходит, – сказал я. – Что было в том чае? Что было в твоей сумке? С чего вдруг на меня напал медведь? Да что вообще происходит? Объясни!

Мой отец отпрянул, как от удара. Он не ожидал от меня такого. Папа, видимо, думал, что я, как обычно, смирюсь с его недомолвками. Он покачал головой, и я понял, что ответа не будет.

– Поговорим об этом после, – поспешно сказал он. – Обещаю. Но сейчас жизненно важно другое. Труд всей моей жизни зависит от этого: что ещё произошло в школе? Кто, кроме тебя, это видел?

– Труд твоей жизни? – взорвался я. – Слушай, пап. Меня достали твои рассказы о труде твоей жизни. Тем более что ты ничего о нём не рассказываешь. Почему ты никогда не берёшь меня с собой? Вдвоём всегда интереснее. Но ты всё время что-то от меня скрываешь! А теперь, когда у меня переломный момент и, может быть, у меня крыша поехала или что похуже, ты опять про труд всей твоей жизни! Спасибо за заботу, папочка!

На лице отца появилось такое выражение, какого я прежде никогда не видел. Видимо, я всерьёз задел его. Он всегда чем-то напоминал щенка – беззаботного, которого невозможно расстроить. Но теперь в его глазах явственно отразилась боль. В них погас весь задор.

– Я знаю, что только и делаю что работаю, ищу новые элементы и скрывать, – сказал он дрогнувшим голосом. – Но это не всё. Это трудно объяснить... пойми...

Он уставился на кассовый аппарат, не в силах посмотреть мне в лицо. Я посмотрел на витрину и подумал, что ещё только пятый час, а уже так темно. За окном стояла непроглядная тьма – видимо, сейчас начнётся гроза.

Самое время подумать о погоде, после того как ты построил отца, а перед этим превращался в камень – раньше мне и то и другое показалось бы невозможным. Словно бы в ответ на мои мысли, по тротуару забарабанил дождь. Люди раскрыли зонтики и ускорили шаг. Какая-то часть меня хотела почти искренне извиниться, – наверное, от удивления, потому что таким несчастным отец бывает лишь раз в году, в годовщину смерти мамы.

Но я промолчал, потому что он заслужил это. Даже после того как я взорвался, он продолжал сидеть. Он даже не спросил, как я себя чувствую, ему, видите ли, важнее узнать, кто это видел. Я тоже упрямый. Хотя чувство вины всё же осталось.

– Папа, почему нельзя просто...

– Забудь, Грег, – сказал отец, не глядя на меня. – Обсудим всё позже. Мне нужно позвонить. То, что случилось сегодня... может иметь большие последствия, чем ты можешь представить.

– Я бы мог представить, если бы ты хоть что-нибудь объ-

яснил.

– Грег, хватит об этом. У меня нет времени, – отрезал он. – Займись покупателями и спроси, не нужна ли им помощь. Поговорим позже.

Я упорно молчал, потому что не хотел, чтобы этим всё закончилось – так обычно и случалось. Но он уже держал трубку древнего телефона и набирал номер. Пришлось оторваться от стойки, чтобы поприветствовать покупателей, которые, скорее всего, просто прятались от дождя.

Сначала я подошёл к странной парочке. Это были два парня. Один верзила, который пытался протиснуться в узкий проход между полками с товарами. На нём был коричневый плащ и серые треники. Коротко, по-военному, остриженные волосы. В нём было под два метра роста и где-то сто пятьдесят килограммов сплошных мышц. Рукава топорщились от распиравшей их массы, как будто на нём был не плащ, а маленькая походная палатка. Его спутник был почти одного со мной роста, но совсем тощий. Раза в два меньше своего друга. У него было сухопарое лицо и светлые волосы, которые прикрывали уши.

– Ребята, чем могу помочь? – спросил я.

Они резко обернулись, вздрогнув от звука моего голоса.

– О, здорово, бро, – сказал здоровяк. – Это лавочка типа и есть «Дары природы»... которой владеет Тревор Бельмонт?

Он говорил с лёгким акцентом, который я не смог точно определить, но решил, что они либо из Канады, либо из Ка-

лифорнии.

– Невероятная догадливость, – ответил я, всё ещё не остыв после разговора с отцом. – Именно это написано над входом.

– Эй, следи за языком, парень, – сказал коротышка, но это был скорее совет, а не угроза. – Не стоит расстраивать моего друга, бро. Поверь мне.

– А он что... Халк невероятный или кто-то похожий? – спросил я.

Здоровяк наклонил голову, видимо, не понимая, на что я намекаю. Меньший рассмеялся, но как-то нервно. Ненатурально. Как будто хотел сказать: да, именно это я и имел в виду.

– Ладно, извините, – сказал я. – Тревор – это мой отец. Это наш магазин. Ищете что-то конкретное?

Мелкий оглянулся на дверь, словно ещё раз проверял, где тут выход. У меня внутри всё похолодело, потому что возникло нехорошее предчувствие.

Но коротышка снова улыбнулся и Большой Бро тоже, и, хотя улыбка у него получилась кривая, а зубы были грязными и неровными, в его лице появилось какое-то тупое очарование, которое заставило меня успокоиться.

– Собственно, да, – сказал Маленький Бро. – Наш приятель в спортзале сказал, что купил здесь какие-то мерзкие, но вполне легальные добавки, разрешённые на соревнованиях.

– И они помогли! – добавил Большой Бро. – Наш приятель Марлон так накачался, что я сразу не поверил. Сплошные мышцы. Видел бы ты, какие у него сочные крылья. Сотню только так выжимает.

Я решил, что «сочные крылья» звучит мерзко, даже если я и не представляю, что это значит.

– Похоже, вы обратились по адресу, – сказал я. – Добавки для улучшения ума и тела находятся вот в тех двух рядах в конце зала. Они все органические и абсолютно натуральны, что, как я полагаю, делает их законными для... э-э... соревнований или чего-то ещё.

– Спасибо, бро, – ответил мелкий.

Я отступил к стойке, освобождая путь Большому Бро. Проходя мимо, он окинул меня с ног до головы.

– Свистни мне, если захочешь получить парочку советов, как накачаться, – сказал Большой Бро. – Тебе явно нужно напрягать мышцы, бро. Если ты понимаешь, о чём я.

– Конечно, а вот тебе явно нужно напрягать не только мышцы, бро, – огрызнулся я. – Если ты понимаешь, о чём я. Большой Бро оскалился, и его лицо покраснело.

Я быстро ретировался в другой отдел, где стояла ещё одна покупательница – пожилая леди, внимательно рассматривающая бутылочки с органическими маслами.

Не успел я подойти к ней, как отключили электричество. Свет моргнул и погас. Я был всего в нескольких шагах от посетительницы, но видел лишь её хрупкий силуэт.

Она ахнула.

– Не беспокойтесь, мэ, – сказал я. – Скорее всего, это из-за грозы. Сами знаете, как станция...

Она пискнула, как будто вот-вот закричит.

– Всё в порядке, сейчас принесу фонарик...

Но как только мои глаза привыкли к темноте, я увидел её лицо. И её явно расстроило не отсутствие света. Она широко раскрытыми глазами уставилась на что-то позади меня.

– Говорил же тебе, не зли его, бро! – крикнул коротышка.

Я резко обернулся. И испустил тот самый крик, который не удался старушке.

Глава 8

В которой выясняется, что сбор для наращивания массы действительно эффективен

Большой Бро застыл рядом с кассой. В темноте я различал только его внушительную фигуру, квадратную голову и рельефные мышцы. Он становился всё больше. Рос прямо на глазах, совсем как Халк. Его голова вытянулась, округлилась и теперь почти касалась потолка. Плечи раздалились, и пальто треснуло, обнажая нечеловеческих размеров торс. Его и без того накачанные руки теперь стали такими гигантскими, что я мог бы спокойно забраться к нему на плечи и устроить дискотеку. Сжатые кулаки были размером с небольшой седан.

Маленький Бро искал, где бы укрыться. Тут я понял, что всё ещё кричу, и закрыл рот. Долгое мгновение не было слышно ничего, кроме зловещей тишины.

Большой Бро двинулся на меня, и в тот же момент снаружи сверкнула молния. Его кривые зубы на секунду осветились каким-то загадочным светом. Верзила сделал ещё два

шага в мою сторону, легко сметая на пути полки.

Я обернулся к пожилой леди, чтобы защитить её, но она оказалась сообразительнее меня и успела улизнуть, пока я вопил, как испуганная третьеклассница.

Надо мной возвышалась громада Большого Бро. Теперь мне стали видны не только его силуэт и склизкие зубы. Он превращался во что-то вообще непостижимое. С Халком это я поторопился, потому что в нём не осталось почти ничего человеческого.

Серая, грубая, как у акулы, кожа. Шишковатая бесформенная голова. Нос и остальные черты лица были под стать квадратной челюсти. Под нависшим лбом блестели глаза с жёлтыми радужками, как у диких животных. Зубы заострились.

– Ой, похоже, от наших добавок результат налицо и не только, – брякнул я потому, что ничего умнее не придумал.

И тут он зарычал. Из рта у него воняло тухлятиной, которую несколько дней вялили на солнце. Он поднял кулак и пробил дыру в тоненьком потолке. Пыль от гипсокартона и штукатурки осела на его плечах, как перхоть.

Монстр вытащил кулак и заревел ещё страшнее, собираясь раздавить меня, как букашку. Я съёжился и втянул плечи. Даже если у меня получится повторить то же, что несколько часов назад в школе, это вряд ли мне поможет. Потому что Монстр Бро оставит от крошечного пузатого камешка только мокрое место.

Но в эту секунду у меня за спиной из темноты вынырнул отец. Он со всей силы метнул что-то прямо в надвигающийся кулак монстра. Его ручища стукнулась об пол в паре сантиметров от меня, отчего доски разлетелись в щепки, как трухлявое дерево.

Я споткнулся и свалился в образовавшуюся дыру, когда гигант снова занёс руку для удара.

Мой отец заслонил меня. И тут я понял, что именно он держит в руке – огромный боевой топор. Папа прыгнул перед Монстром Бро. Прямо как герой боевика. Ну ладно, не боевика, а дешёвой пародии. Он неуклюже размахивал во все стороны увесистым топором, очень нелепо, бессмысленно и беспорядочно. Но зато отсутствие навыков отец компенсировал силой, которую ему придал страх.

Лезвие топора с размаха вошло в колено монстра. Он дико взвыл от боли, прежде чем рухнул на наш кассовый аппарат, похоронив его под собой.

Монстр Бро тут же опомнился, но заминка дала папе возможность схватить меня и оттолкнуть в угол.

– Грег, беги! – закричал он. – Выбирайся отсюда. Я их задержу...

– Папа, нет! – запротестовал я, но было уже поздно. Монстр Бро очухался от падения быстрее, чем я рассчитывал. Шатаясь, он подошёл к отцу и, как картонную фигуру, отшвырнул его в сторону одним взмахом. Отец отлетел прямо к висевшим на задней стене магазина большим пласти-

ковым корзинам, в которых хранилось органическое зерно. Собранный серпом овёс посыпался на папу, когда он рухнул на пол.

Я быстро увильнул, когда монстр вторым кулаком попытался размазать меня. От магазина мало что осталось, словно здесь прошёл смерч. Отец сказал убегать, но не мог же я бросить его на произвол судьбы, чтобы Монстр Бро сделал из него отбивную. Чувство, которое я в тот момент испытывал, было совершенно мне неизвестным – очень похожее на то, что возникло во мне, когда я огрызнулся на Перри, но сейчас оно было гораздо острее. Оно стало частью меня.

Внезапно я понял, что хочу сразить эту тварь. Мне казалось, что стоит взять в руки топор, и я с лёгкостью одолею его. Я услышал тот самый странный голос, который слышал утром, теперь он звучал так отчётливо, как будто на плече у меня примостился лилипут с крошечным мегафоном.

«Грег, ты справишься. Ты можешь сразиться с ним. Только не убегай».

Я кинулся к тому месту, где лежал засыпанный зерном отец. Он тяжело стонал и старался отыскать рукой топор. Когда он нащупал древко, то оперся на него, чтобы подняться.

– Грег, я же сказал тебе выбиратья отсюда, – сказал он.

– Я никуда не пойду без...

Но закончить я не успел. Отец оттолкнул меня в сторону, когда монстр снова перешёл в наступление. Огромная туша прокатилась мимо нас и пробила кулаком стену. На ней

остался внушительный след, а монстр взвыл от боли.

Сила, которая ещё секунду назад переполняла меня, улетучилась. Я снова стал прежним Греггом Бельмонтом, размазнёй, распоследним трусом, бесхребетным жирдяем. И вообще я только отвлекал отца, и он дважды чуть не погиб из-за меня. Будет лучше, если он продолжит битву без меня. Отец размахивал топором направо и налево, приближаясь к монстру.

Я развернулся и бросился к обломкам, которые когда-то были нашим прилавком, а затем открыл дверь в маленький офис и метнулся внутрь, в последний раз обернувшись на магазин.

Монстр наклонился и легко выбил топор из рук отца. Отец повалился на пол и оцепеневшим взглядом смотрел, как Монстр Бро яростно заревел и занёс над его головой два гигантских кулака, которыми можно было расплющить танк.

Я скорее отпрянул и с силой захлопнул дверь в кабинет.

Глава 9

В которой подрядчик из будущего находит здоровенный скелет в стене

Я сразу же понял, что поступил неправильно. Я бросил отца на произвол судьбы, пока он сражался с какой-то мерзкой тварью – качком переростком.

Я схватился за ручку и потянул её, но дверь не поддавалась. Либо заперта, либо заклинило. Может, придавило чем-то с той стороны.

Комок подступил к горлу, и у меня перехватило дыхание. Может быть, моего отца уже нет в живых, а я ничем не помог ему. Но в магазин можно попасть и другим путём. Может быть, ещё можно успеть?

Я выбежал через чёрный ход в переулок, собираясь обогнуть квартал и пройти через главный вход.

Но как только я двинулся по переулку, мужская фигура преградила мне путь. Дождь закончился, но было жутко холодно, и изо рта у меня вырвался пар, облачками улетающий

вверх.

– Мистер Ольсен? – спросил я неуверенно. – У вас же сегодня выходной. Магазин... на нас... на нас напали...

– Я знаю, Грег, – сказал мистер Ольсен спокойно. – Но тебе нельзя возвращаться. Иди за мной. Нам надо торопиться, возможно, к ним прибудет подкрепление...

Он нервно огляделся по сторонам. Мистер Ольсен был очень серьёзен. Это не было чьим-то изысканным, хорошо поставленным розыгрышем. Всё было всерьёз, и мистер Ольсен, стоящий в тёмной аллее, был сильно напуган.

– Но мой отец...

– Слишком поздно, Грег, – сказал он. – Не беспокойся. Он сильнее, чем тебе кажется. А теперь нам пора. Мы не можем потерять вас обоих.

– Но что... что происходит, мистер Ольсен? – спросил я.

– Меня зовут не мистер Ольсен, – ответил он. – Меня зовут Финрик Груффопыт.

– Но... Как-как?

– У нас нет времени, – сказал он, хватая меня за руку и оттаскивая с тротуара. – Мы всё тебе объясним позже. Сейчас нам пора исчезнуть отсюда. Скоро соберётся Совет.

– Совет?.. – переспросил я, пока, спотыкаясь, брёл за ним следом.

– Да, – ответил Финрик. – Совету надо многое обсудить. Вот уже пять с лишним тысяч лет не было достоверных сведений о нападениях горных троллей.

До меня как-то не сразу дошло, что Финрик назвал существо, вломившееся в наш магазин, горным троллем. Но мне было не до этого, потому что я еле поспевал за ним. Допустим, что горные тролли действительно существуют. Сейчас меня больше терзало воспоминание об отце и выражении его лица, перед тем как... перед тем как я сбежал, как последний трус.

– Сюда. Быстрее, – сказал Финрик. – Мы почти пришли.

Оказывается, мистер Ольсен, он же Финрик Груффопыт, был не просто другом семьи, работавшим в «Дарах природы». Очевидно, он был в курсе всех тайн, которые скрывал от меня отец. И это ранило почти так же сильно, как и факт, что я предал его. Какому-то другу он доверял больше, чем собственному сыну.

Финрик остановился в самом конце мрачного переулка и показал на узенький проход между тесно прижатыми друг к другу зданиями.

– Иди первым, – сказал он.

Я недоумённо уставился на него. Он что, забыл, как я выгляжу при дневном свете? Да я ни за что не протиснусь в эту щёлочку шириной в полметра.

– У нас мало времени, вперёд, – поторопил меня Финрик.

Когда он работал в магазине, то казался очень сдержанным человеком, ну разве что излишне ворчливым. Теперь же он был похож на полного психа. В его глазах мелькнуло тревожное беспокойство, которое успокаивало не лучше, чем

жевание ржавых гвоздей.

– Я не могу. В смысле я не влезу, – пояснил я. – Меня школе дразнят Жирмонтом, потому что...

– Сначала попробуй, – перебил он нетерпеливо. – Живее. Поторопись!

Я решил приколоться над ним. Когда Финрик поймёт, что я ни за что не пролезу сюда, то перестанет беситься, и мы, как все нормальные люди, просто отыщем дверь.

Я вжался в пространство между домами. Кирпичи впились мне в живот.

– О, ради Лэндрика Странствующего, пошевеливайся, – торопил он меня.

Я повернулся и упёрся поясницей в стену. Сначала, как я и подозревал, ничего не получалось, потому что мой живот был в два раза толще этой узенькой расщелины. Но вдруг произошло удивительное: я понял, что медленно протискиваюсь внутрь.

Я пролез!

Самую капельку.

Шершавые кирпичи царапали кожу и цеплялись за одежду, пока я продвигался вперёд.

Финрик подтолкнул меня, и я полностью скрылся в расщелине. Меня так сдавило со всех сторон, что не я мог дышать полной грудью и хватал воздух короткими глотками, стараясь не поддаваться панике.

И тут мне пришло в голову, а какого чёрта я позволил пар-

ню по имени Финрик Груффопыт зажать меня между двумя сплошными стенами? Я кретин или где?

– Ну же, не останавливайся, – сказал Финрик. Он протиснулся следом, по-прежнему подталкивая меня вперёд. Я двигался короткими семенящими шагами, неестественно, как балерина, вывернув голову и ступни.

Стены сужались, и через пару шагов я просто не смог двигаться дальше.

– Я застрял, – сказал я. – Нам нужно вернуться.
Молчание.

Смятение переполняло меня. Кое-как я смог повернуть голову, оцарапав нос и лоб о шершавые кирпичи.

Финрик исчез. Как будто его и не было.

Я решил вернуться на аллею, но казалось, что проход стал ещё уже, и обратного пути не было. Но так не бывает. Кирпичные стены – это вам не живые создания, они не могут просто так сужаться и расширяться.

Но так и было. Казалось, что проход стал ещё уже с того момента, как я застыл от страха.

Я живо представил, как спустя много десятилетий пропраб в синей клетчатой рубашке и отчаянно седыми усами наткнётся на мой скелет под завалами.

– Надо же, – скажет он с безупречным чикагским акцентом, проводя пальцем по усам. – Ну и широкая кость была у этого парня.

Я молил только о том, чтобы крысам не вздумалось по-

пробовать мои лодыжки на вкус, и тут услышал Финрика. Голос был приглушённым, и казалось, доносился откуда-то из-за моей спины.

– Не останавливайся.

Мне казалось, что это невозможно, потому что мои руки и ноги сплющило между стенами, как сельдей в бочке. Но я всё равно решил попытаться и сделал неуверенный шаг вперёд и рухнул в пустоту, как будто рыхлая земля под ногами просто расступилась. В отчаянии я пытался схватиться за стены, но было поздно. Я провалился вперёд (ну вернее набок).

По идее, я должен был, свернувшись калачиком, шлёпнуться на землю, но вместо этого я просто падал вниз. Стены исчезли, а я летел сквозь какой-то туннель или пещеру. Я не мог крикнуть или даже пискнуть от страха. Радовало лишь то, что никто не увидит, как я расшибусь в лепёшку, когда грохнусь о землю.

Но падение было мягче, чем я думал. Я шлёпнулся на отсыревшую и склизкую деревянную плиту, охнув от столкновения. Через пару мгновений плита подалась вниз, и я, с громким – ПЛЮХ – свалившись на влажный бетон, оказался в ловушке.

Я лежал на холодном полу в полумраке и смотрел на каменный потолок. Через распахнутую дверь ловушки я различал тусклый свет уличных фонарей Чикаго, но где-то очень высоко надо мной. Дверь медленно захлопнулась, и стало так темно, что хоть глаз выколи. Единственное, что я мог разли-

чить, – это звёздочки от саднящей боли в голове, спине и того, что ниже. Но вскоре рядом вспыхнул огонёк.

Это Финрик чиркнул зажигалкой. Он улыбнулся, но в свете мерцающего пламени его лицо казалось диким.

– По-моему, всё обошлось, – сказал он. – Согласен?

– Шутите?

Он помог мне подняться на ноги. Вообще-то, после такого падения я просто обязан был сломать себе что-нибудь, но нет. Пара синяков и ссадин, а так – целёхонький.

Финрик, похоже, даже и не начинал беспокоиться, как будто был уверен, что ничего со мной не случится.

Мы стояли в бетонном зале, из которого в разные стороны расходились туннели. Пол и стены были явно созданы человеком – либо из бетона, либо из отшлифованных шлакоблоков.

Недалеко журчала и капала вода, а в остальном тишина была полная.

– Где это мы?

– Глубоко под городом, – ответил Финрик.

– Что-то вроде запретных туннелей? – спросил я.

Все дети, выросшие в окрестностях Чикаго, знали, что где-то под городом есть множество туннелей, сохранившихся ещё со времен сухого закона, когда через них проносили контрабанду.

– Не совсем, – рассмеялся Финрик. – Хотя, конечно, мы помогали Аль Капоне их строить.

– Вы были знакомы с Аль Капоне?

– Ну не я лично, – ответил он. – Мой дедушка. В конце концов, он был одним из нас.

– Вы о чём?

Финрик не ответил. Только криво улыбнулся и продолжил отвечать на первый вопрос:

– Мы сейчас гораздо глубже этих старых запретных туннелей, – сказал он. – Мы называем это Подземельем. Идём, нам нужно идти дальше.

– Да как это вообще возможно? – спросил я, уверенный, что сплю. Так хотелось проснуться и обнаружить, что магазин не разгромили в хлам, а папа жив и здоров. – Мы же просто протиснулись... В смысле в ту щель в переулке... да одно падение убило бы нас обоих...

Финрик по-прежнему не отвечал на мои вопросы.

– Сюда, – сказал он, показывая мне путь.

Финрик провёл меня через сплетение узких бетонных коридоров с бесконечными дверями.

Маленькие тусклые лампочки свисали со стен и, казалось, уходили в бесконечность. Иногда они моргали и потрескивали, как будто их коротило время от времени.

– Как вы узнали? – спросил я, когда мы ушли довольно далеко.

– Узнал что?

– Что на МЕДИПО напали.

Финрик наконец остановился перед громадной деревян-

ной дверью справа от нас. Он обернулся ко мне, нахмурился, как будто подыскивал слова, чтобы лучше мне объяснить то, что я всё равно не пойму.

– Твой отец всегда подозревал, что такое возможно, – ответил он. – Особенно если удалось найти... доказать, что это правда. Мне самому не верится, что у него получилось, у этого придурочного гения... Но мы не ожидали, что нападение произойдёт так стремительно... да и сам способ...

Финирик прервал своё почти неразборчивое бормотание и печально покачал головой.

– Данмор объяснит лучше, чем я.

Он больше не произнёс ни слова и жестом указал мне, чтобы я прошёл внутрь.

В комнате за большим деревянным столом сидел пожилой мужчина. Кабинет оказался не больше класса в ПУКах. Стены были выстроены из громадных булыжников, как будто мы оказались в старинном замке.

У мужчины была рыжая борода, лохматые брови, а из ушей торчали густые волосы. Он был высоким и плотным. Не толстым, а именно... плотным. Как будто его вытесали из единого куска дерева.

Рыжая Борода показал мне на стул перед столом. Я нервно устроился на жёстком деревянном сиденье. Финрик Груффопыт вышел, прикрыв за собой дверь. Я нервно оглянулся.

– Грег, меня зовут Бен, – сказал Рыжая Борода. – Я уже много лет пользуюсь этим простолюдинским именем. На са-

мом деле меня зовут Данмор Брадобрец.

– Ааа... понял, – протянул я, на самом деле не совсем понимая, что он говорит и что ему на это отвечать (и как он узнал моё имя?). – Что это за место?

– Об этом после, – ответил Данмор, нетерпеливо отмахиваясь от меня. – Нам нужно обсудить более важные вещи. Мне придётся буквально в двух словах объяснить тебе всё до начала Совета. Последние несколько дней были немного... скажем так, беспокойными.

Я ждал, что он, наконец, объяснит, что вообще происходит.

– Объяснить всё это будет непросто, – начал Данмор, поглаживая свою широкую и всклокоченную рыжую бороду. – Но мне придётся. Грег... ты гном.

Глава 10

В которой выясняется, что «Властелин колец» – очень оскорбительная книга

– Вообще-то, сэр, – сказал я спокойно, – не очень вежливо так говорить. Они предпочитают, чтобы их называли «невысокими» или хотя бы карликами. И кроме того, то, что я низковат, ещё не повод...

– Да нет же, – сказал Данмор. – Ты не понял. Ты гном, гном. Как во «Властелине колец».

– Да я ни одного фильма не видел, – сказал я, сбитый с толку. – Всё это фэнтези – полная чушь. У всех там идиотские имена, типа Арагруд Безупречный, Гэндруф Великий. И даже у оружия есть глупые прозвища вроде «Меч семи галактических камней»... От драгоценностей вечно какие-нибудь неприятности... И обязательно будет какое-нибудь бредовое пророчество...

– Как ты узнал про Гэндорфа Великого? – перебил меня Данмор. Он, казалось, был обескуражен и раздражён одно-

временно.

– Я... Я не знаю, – медленно произнёс я. – Ляпнул первое, что взбрело в голову, но... я... это... Я пойду, пожалуй...

Мне нужно было поскорее убраться подальше от этого чокнутого волосатого парня.

– Сядь, – сказал Данмор таким тоном, что я тут же вжался в стул.

– Вообще-то это даже хорошо, что ты не читал «Властелина колец». Потому что, хоть он и основан на нескольких приблизительных переводах текстов Земли отделённой, в этой книге полно несуразностей и неточностей. Должен заметить, очень обидных. Например, смехотворное утверждение, что гномы обожают золото. Неслыханно. Надеюсь, что это просто досадное заблуждение.

– Допустим... – решил не спорить я, а то ещё выведу этого чокнутого парня из себя, и он спустит с меня шкуру и сошьёт себе кошелек. В лучшем случае. – Но какое отношение это имеет ко мне?

Данмор Брадобреец потёр пальцами глаза, как будто ему предстояло объяснить лошади основы квантовой механики.

– Я уже сказал тебе, – начал он. – Ты – гном.

– Я понял, но...

– Мы древний народ, Грег, – перебил он. – Рождённые самой Землёй на самой заре её существования, вышедшие из камней, грязи, растений и воды. Гномы живут среди людей. Они могут оказаться твоим соседом, почтальоном, извест-

ным атлетом или музыкантом. И очень скоро благодаря твоему отцу мы снова обретём своё наследие. Мир снова вспомнит про нас. Ты сын одного из старейшин Совета. Старейшины, которого... которого мы считали слегка чокнутым, когда он носился со своей теорией заговора – некоторые даже посмеивались над ним, – но в итоге сами оказались посмешищем. Но, возможно, я слишком забегаю вперёд.

Я просто остолбенел на месте. Трудно было поверить в то, что он говорит. В смысле то, что отца считали психом, это как раз понятно, но старейшина Совета...

Понятия не имею, что это значит, но звучит внушительно и совсем не похоже на то, чем занимался мой отец.

То, что этот дядька мне тут понарасказывал, звучало так же неправдоподобно, как и всё, что случилось со мной после нападения белого медведя.

Данмор сидел, скрестив руки под бородой. Я заметил, что у самого подбородка в спутанных волосах застрял кусочек какой-то еды, но промолчал. Тому, кто только что узнал, что он принадлежит к мифологической расе, не стоит обращать внимания на такие мелочи.

– Наверное, мне нужно объяснить всё по порядку, – сказал Данмор успокаивающим голосом. – Понимаю, что это может показаться несколько странным. Позволь мне пояснить: давным-давно, задолго до появления компьютеров, небоскрёбов и даже пирамид существовала Земля отделённая. Она располагалась на той же планете, что и наша, но этот мир был

совершенно иным. Сегодня Земли отделённой больше нет, она скрыта глубоко под руинами прочих «древних» цивилизаций, под слоями геотермальных смещений, вулканической лавы и обломками метеоритов.

На Земле отделённой всегда было беспокойно. Извечная борьба одолевала этот мир, потому что гномы и эльфы, два коренных народа, боролись за власть. С каждым новым поколением война только усиливалась. Обе стороны прибегли к силам магии, и конец всей планеты казался неизбежным. Поэтому пришлось вмешаться феям.

– Ещё и феи? – уточнил я.

– Да. Не будешь же ты столь самонадеянным, чтобы думать, что гномы и эльфы были единственными расами, – ответил Данмор. – Конечно же, были и другие. В действительности существовали тысячи прочих существ, которые вымерли в наши дни.

Я кивнул, хотя в душе не верил ни единому его слову. Ни про то, что я гном, ни про то, что мой отец погиб, ни про то, что тролль напал на наш магазин. Это просто сон. Мне очень хотелось верить, что так и есть.

– Как бы там ни было, – продолжал Данмор, – феи, понимая, что планета может погибнуть, нашли средство сохранить самую суть магии, чтобы никто из древних рас Земли отделённой не мог добраться до неё. Включая самих фей. Угроза предстоящей войны оказалась столь зловещей, что они решились отказаться от собственной магии, понимая,

что после этого будут обречены на исчезновение. Но их жертва была ненапрасной, и магия покинула наш мир. Лишённые магии, обе стороны потеряли страсть к кровопролитию, а многие виды людей и существ, зависевших от магии (всё те же феи) исчезли, словно их и не было. Ярость истощилась, и противостояние эльфов и гномов, хоть и не сразу, но сошло на нет. Это соглашение о мире действует до сих пор.

Лишённые своих способностей, дарованных магией, эльфы, гномы, тролли, гоблины и прочие твари затерялись в меняющемся мире, в котором поднимала голову и обретала силу зарождающаяся раса – люди. Круговерть тысячелетий стёрла отличительные физические особенности наших рас, и к рассвету Римской империи стало практически невозможно внешне отличить наследников мистической эры от простых людей. Но истинный дух гномов и эльфов ещё жив, сохраняемый небольшими разрозненными группками по всему свету. Он притаился в сокровенных местах под землёй, за стенами, полом и потайными дверями.

– Допустим, – сказал я осторожно.

Данмор теребил бороду и в конце концов нащупал кусочек еды, запутавшийся в рыжих сплетениях. Он ловко вынул его и бросил себе в рот. Меня чуть не стошнило от этого.

Я был совершенно уверен, что всё это плод моего воображения. Даже несмотря на то, что со мной приключилось сегодня. Именно это я и собирался заявить, когда, прерывая

наш разговор, резко распахнулась дверь.

Это был Финрик Груффопыт/мистер Ольсен. В руках он сжимал внушительный топор. Финрик поспешил к Данмору и что-то зашептал ему на ухо.

Данмор мрачно кивал, пока слушал, бросив несколько обеспокоенных взглядов в мою сторону.

Я узнал топор. Он был тем самым, которым отец отбивался от тролля. Сейчас, когда обстановка была не такой напряжённой, я тут же узнал в нём тот предмет, который отец прятал в дорожной сумке. И именно тот предмет, который заговорил со мной.

– Что случилось? – спросил я дрожащим от волнения голосом. – С папой всё в порядке?

Они не обратили на меня внимания, потому что Финрик перестал шептать. Данмор кивнул в последний раз и посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.